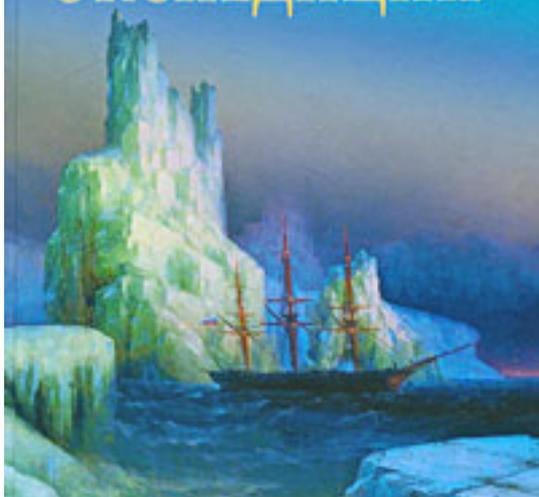

100

ВЕЛИКИХ ЭКСПЕДИЦИЙ

Рудольф Константинович Баландин
100 великих экспедиций
Серия «100 великих»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=325042
100 великих экспедиций: Вече; Москва; 2010
ISBN 978-5-9533-3875-2

Аннотация

Колумб, Магеллан, Кортес, Васко де Гама, Америго Веспуччи, Ермак, Хабаров, Лаптев, Пржевальский, Крузенштерн... Какая сила влекла этих великих путешественников в неведомые земли, для чего они снаряжали экспедиции и отправлялись в далекие и опасные странствия, рискуя своим здоровьем, а то и жизнью?

Одних привлекала романтика приключений, другие стремились к славе и богатству, третьи искали новые земли для своего отечества, четвертые надеялись сделать научное открытие...

О ста самых выдающихся экспедициях, изменивших наши представления о земле, рассказывает очередная книга серии.

Содержание

Введение	4
1	4
2	6
Часть I	7
Глава 1. Мания высоты	7
Штурм Анапурны	7
На «крышу мира»	11
Недоступная K2	14
Романтика непокоренных гор	16
Вершина, которой не стало	19
Первый на Северном полюсе	21
Трагическое открытие Южного полюса	24
Глава 2. Отчаянные одиночки	28
Преодоление злой магии K2	28
Один на один с Нангапарбат	31
Через Атлантику на вёслах	33
Кругосветка Чичестера	35
В одиночку на Северный полюс	39
Глава 3. Жажда острых ощущений	42
Два сплава по Голубому Нилу	42
Спуск в пропасть	48
«Рукопожатие мертвеца»	51
Часть II	55
Глава 1. Путешественники разных стран и народов	55
Странствие Гильгамеша	56
Первое пересечение Сахары	59
Самый прославленный путешественник	61
Воин и разведчик Чжан Цянь	64
Странствия буддиста	66
«О странах Запада»	68
Купец и географ Ибн Баттута	71
Золотой песок Сахары	75
Хождение игумена Даниила	77
Окно из Западной Европы в Азию	79
Миссия Гильома де Рубрука	83
Конец ознакомительного фрагмента.	86

Рудольф Константинович Баландин

100 великих экспедиций

Введение

Путь в неведомое

*Смерть! Старый капитан! В дорогу! Ставь ветрило!
Нам скучен этот край. О Смерть, скорее в путь!
Пусть небо и земля – куда черней чернила,
Знай – тысячами солнц сияет наша грудь!*

*Обманутым пловцам раскрой свои глубины!
Мы жаждем, обозрев под солнцем все, что есть,
На дно твоё нырнуть – Ад или Рай – едино! —
В неведомого глубь – чтоб новое обрести!*

Шарль Бодлер (перевод Марины Цветаевой)

1

Какая неодолимая сила влечет человека в Неведомое, в трудные экспедиции с риском для здоровья, а то и для жизни?

Одного привлекает романтика приключений, другой стремится к рекордным достижениям и славе, третий испытывает свою физическую и моральную стойкость, четвертый надеется сделать научное открытие, пятый – любитель острых ощущений и сильных стрессов...

Побудительных причин для рискованных предприятий немало. Есть специальные виды спорта, сопряженные с опасными изнурительными экспедициями, – экстремальный туризм и альпинизм.

«В борьбе с вершиной, в стремлении к необъятному человек побеждает, обретает и утверждает прежде всего себя. В крайнем напряжении борьбы, на грани смерти Вселенная исчезает, оканчивается рядом с нами. Пространство, время, страх, страдания больше не существуют. И тогда все может оказаться доступным. Как на гребне волны, когда во время яростного шторма внезапно воцаряется в нас странное, великое спокойствие. Это не душевная опустошенность, наоборот – это жар души, ее порыв и стремление. И тогда мы с уверенностью осознаем, что в нас есть нечто несокрушимое, сила, перед которой ничто не может устоять».

Так писал председатель Гималайского комитета и президент Французской федерации альпинизма Л юсьен Д еви в предисловии к книге Мо – риса Эрцога «Анапурна», рассказывающей о мучительном восхождении на эту вершину и не менее тяжелом спуске с нее. Группа, возглавляемая Эрцогом, впервые поднялась выше 8 км, покорив Анапурну (8091 м).

Конечно же, когда мы говорим о покорении какой-либо горной вершины, не следует забывать, что в действительности альпинисты преодолевают препятствия на заранее выбранном маршруте. Гора или отвесная скала для них – подобно грандиозному природному спортивному снаряду. Эти люди ставят рекорды восхождения и скалолазания. Таков их способ самоутверждения.

Те, кто сумел выдержать жесточайшие испытания, безусловно, заслуживают уважения и восхищения. Но все-таки им будет посвящена только последняя часть данной книги.

Это оправданно прежде всего в историческом аспекте: альпинизм и экстремальный туризм появились сравнительно недавно, всего лишь полтора столетия назад.

Первыми альпинистами стали исследователи Альп – географы и геологи. Они избегали излишних трудностей и опасностей, потому что стремились к познанию природы.

Множество экспедиций организуются постоянно в разные районы мира с различными целями. Так работают геологи, географы, биологи, экологи, археологи... Да разве только они?

В 1960 году мне довелось участвовать в геолого-географической экспедиции на Чукотке. Наш маршрут проходил от истоков реки Анадырь на Полярном круге к Северному Ледовитому океану. В центре Анадырского нагорья мы побывали в огромной воронке загадочного озера Эльгыгытгын. На всем пути не встретили следов пребывания человека. Чувствовали себя первопроходцами. Спустились с Анадырского нагорья в обширную Чаунскую низменность. И тут в одном из маршрутов я наткнулся на колышки с надписью «ТЭП—ЛЭП». Оказывается, здесь наметили трассу линии электропередачи.

Вот тебе и «нехоженые тропы»!

Ничего не поделаешь: в наше время дальние страны вполне доступны. Потускнел романтический ореол заполярных тундр, таежной глухомани, знойных пустынь, дремучих джунглей.

Неужели время великих исследовательских экспедиций давно миновало? Или неведомые земли остаются только на других планетах?

2

На старинных географических картах нередко встречались белые пятна и слова: Terra incognita (Земля неведомая). Это вселяло надежду на необычайные, или даже выдающиеся открытия. Что там, за границами познанного?

Воображение людей населяло неведомые земли необычайными существами, гномами и великанами. Кому-то мерещились там легендарные копи царя Соломона, а кто-то (скажем, Христофор Колумб) предполагал встретить там утерянный рай...

Великие географические открытия развеяли подобные мечты. Осталась лишь суровая реальность, лишенная романтического ореола.

Один из знаменитых путешественников XX века, Тур Хейердал, признавался: «Не думаю, что я истинный искатель приключений, хотя, увы, и стал им. Я не ищу приключений ради приключений. Во всем виновата моя любовь к природе. Я люблю дикую, первозданную природу, и мне доставляет наслаждение общение с ней».

Но где же теперь дикая первозданная природа? И почему Хейердал вынужден был стать искателем приключений?

Основная причина, как мне представляется, экономическая. Организовать крупную экспедицию невозможно без значительных финансовых затрат, не имея спонсоров, которые надеются получить от экспедиции доход.

Теперь, заплатив кругленькую сумму, можно совершить туристический полет в космическое пространство. Экспедиция? Да. Приключение? Безусловно. Но есть ли в этом хоть толика величия?

В таком случае, что же следует считать великой экспедицией?

Исходя из своих субъективных представлений, я бы выбрал только те путешествия, которые привели к каким-то реальным результатам – в познании земной природы или использовании ее богатств (открытие месторождений полезных ископаемых, изучение неведомых земель и природных явлений).

Но многим читателям нравится переживать приключения иного рода: физические, а не умственные трудности, смертельно опасные ситуации, рискованные авантюры, загадочные случаи. С этими интересами приходится считаться.

В этой книге я стараюсь по мере возможности совместить оба этих принципа. Однако в некоторых случаях будет отдаваться предпочтение или выдающимся достижениям, или опасным приключениям, или занимательным происшествиям. При этом будем исходить из принципа разнообразия, а по мере возможности – и актуальности.

Часть I

Искатели приключений

*Как мелки с жизнью наши споры,
Как крупно то, что против нас!
Когда б мы поддались напору
Стихии, ищущей простора, Мы выросли бы во сто раз.*
Рейнер Мария Рильке (перевод Бориса Пастернака)

Глава 1. Мания высоты

Альпинистов часто называют покорителями гор. Звонкое выражение – далекое от реальности.

Да, люди добираются до высочайших горных вершин, порой с величайшим напряжением сил и смертельной опасностью, но тотчас торопятся назад, в места обитаемые и безопасные. А горы по-прежнему возносят свои вершины в небеса, как это было до появления людей и будет после их ухода в небытие.

Поднимаясь к вершинам, человек покоряет не горы, а свой страх. Со временем альпинизм и вовсе превратился в вид спорта со своими рекордами, героями и трагедиями.

А еще есть на нашей планете две высшие точки – Северный и Южный полюсы. Они тоже манят энтузиастов путешествий и приключений. И подобно «покорению гор», экспедиции к этим глобальным вершинам были нередко сопряжены с огромными трудностями, трагедиями и жестокими разочарованиями.

Штурм Анапурны

Люди изобрели арифметику из практических соображений. Древнейшие тексты первой (наравне с Египетской) цивилизации Шумера содержат сведения о товарах и их количестве. Но чем привычнее становились цифры, чем более упорядоченными делали люди их ряды, изобретая различные системы, тем более завораживала магия чисел.

Со временем появились жрецы, сделавшие из своего знания календаря, астрономии, арифметики оккультные науки, овеянные ореолом таинственности. Католическая церковь возвела «круглые даты» в ранг юбилеев, когда шла особенно бойкая торговля индульгенциями, за деньги отпускаящими грехи. В сознании миллионов укоренилось особо почтительное, а то и мистическое отношение к датам, оканчивающимся на один, два, три, а в особенности на четыре нуля (вспомним помпезное празднование «миллениума», 2000 года!).

У альпинистов магическим числом было 8000. Выше этой высоты поднялось лишь 14 горных вершин Земли. До 1950 года ни на одной из них не побывал человек.

Вершина Анапурна. Ее преодоление вошло в историю альпинизма как выдающееся достижение

Велика ли разница высот: 7879 (гора Нупцзе) и 8091 (Анапурна)? Всего 212 метров. Но лишь немногие специалисты знают о восхождении на Нупцзе, а преодоление Анапурны вошло в историю альпинизма как выдающееся достижение. Такова магия цифр.

Восьмитысячники были заветной мечтой всех восходителей с тех пор, как о них стало известно. Тем более что в XX веке альпинизм стал превращаться в особый вид спорта, имеющий своих профессионалов и свои рекорды.

Помимо экономических, физических и технических трудностей экспедиций в Гималаи, высочайшую горную систему нашей планеты, до окончания Второй мировой войны существовали трудности политические. Скажем, королевство Непал, где находится большинство восьмитысячников во главе с Эверестом (Джомолунгмой), до 1949 года было закрыто для посетителей.

...Французский альпийский клуб, за которым не числилось крупных мировых достижений, решил заявить о себе в 1950 году рекордным восхождением на одну из вершин, расположенных примерно 50 км одна от другой: Дхаулагири (8167 м) и Анапурну (8091 м).

Участников экспедиции выбирали особо тщательно, а руководителем назначили Мориса Эрцога – не лучшего скалолаза, даже не профессионального или наиболее опытного альпиниста, зато отличного организатора, волевого и в то же время тактичного, доброжелательного человека. Кроме него в основную группу вошли Лионель Террай, Луи Ляшеналь, Гастон Ребюффа, Жан Кузи, Марсель Шац.

Два серьезных препятствия встали перед участниками экспедиции еще до начала восхождения: отсутствие достаточно точных топографических карт, позволяющих ориентироваться на местности, и короткий срок наиболее благоприятного времени для штурма вершины – с конца марта и до начала летних муссонных ветров с дождями и снегопадами в горах. Приходилось проводить длительные рекогносцировочные маршруты и делать непростой выбор между Дхаулагири и Анапурной. Предпочтение отдавалось первой, подходы к которой были лучше изучены и неплохо просматривались. Однако у нее был существенный

недостаток: более крутые склоны. А ведь никто из группы не поднимался даже до высоты 7 км.

Долгого обсуждения не было. На правах руководителя Эрцог выбрал Анапурну. Решение было верное. Однако времени оставалось в обрез. Почти месяц – до середины мая – ушел на разведку, хотя именно Анапурна и подступы к ней были исследованы плохо из-за того, что карты оказались неверными.

Обследовали ближайший северо-западный склон. Он был слишком длинным, а скальные выступы на нем затрудняли подъем, в особенности на больших высотах. Северный склон, более пологий и гладкий, был опасен из-за частых лавин. Пришлось остановить выбор на нем.

Наконец, следовало выбрать стратегию подъема. В одном случае – максимально быстрый штурм небольшой группой с легким снаряжением, разбивая бивуаки по мере продвижения. Это так называемый «альпийский стиль». Однако в условиях гор-гигантов и высокогорья при недолгой акклиматизации он вряд ли привел бы к успеху.

Другой вариант – «осада», когда по мере продвижения устанавливаются базовые лагеря, куда носильщики доставляют грузы. И только на последнем этапе два-три альпиниста идут на штурм вершины. В таком случае главная задача горвосходителей – прокладка маршрута по оптимальной трассе. Кстати, французы помогали нанятым специально местным шерпам переносить грузы. Надо было спешить: кончался май, наступало время муссонов.

2 июня они вышли на исходную позицию для решающего штурма. Первоначально напарником Эрцога предполагался Террай. Но он потратил много сил, перенося грузы и устанавливая лагерь 4. Решено было, что пойдет его друг Ляшеналь.

Они и два шерпа поднимались по отлогому серповидному ледовому барьеру, с трудом передвигая ноги в рыхлом снегу. Над ними сильный ветер переносил снежные заряды. Прошли высоту 7500. Показалась гладкая скалистая вершина. Вырубив полочку в плотном снегу, поставили палатку. Шерпы, пожелав удачи, поспешили вниз. Ночью спали урывками. Снег придавливал стенку палатки, ветер норовил сбросить ее в пропасть. Сказывались острый недостаток кислорода и мороз. Людями овладевала апатия. Утром, даже не пытаясь разжечь примус, не притронувшись к еде и питью, отправились на маршрут. Шли весь день, делая по несколько вдохов на каждый шаг.

Ляшеналь остановился, чтобы снять ботинки и помассировать замерзшие ступни. Спросил:

- Что ты сделаешь, если я поверну назад?
- Пойду один.
- Тогда я тоже пойду.

Продолжили движение. «Я существовал в хрустальном мире, – вспоминал Эрцог. – Звуки приглушены, как будто атмосфера стала ватной. Меня охватила удивительная, не поддающаяся описанию радость. Все вокруг было настолько необычным, насколько новым!»

Прошли скалистый уступ. Вдруг рванулся режущий лицо ветер. Склоны со всех сторон уходили вниз. Они стояли на вершине Анапурны!

Было 3 июня 1950 года.

Впервые в мире был преодолен восьмитысячник.

Эрцог вынул из рюкзака небольшой шелковый флажок и привязал к древку ледоруба. С ним они поочередно сфотографировались. Ляшеналь начал спуск. Эрцог задержался на вершине, переживая радость победы. Ляшеналь оказался далеко внизу.

Пытаясь его догнать, Эрцог задыхался и время от времени усаживался на снег. Один раз почему-то снял рукавицы и стал развязывать рюкзак. Спихватился поздно, заметив, что рукавицы покатались вниз по крутому склону и пропали из глаз. В рюкзаке оставалась запас-

ная пара носков. Эрцог не догадался надеть их на руки. Он упустил из вида своего товарища. Начиналась пурга: циклон добрался до Анапурны.

Внизу, на месте их последнего бивуака, он увидел две палатки. Значит, Террай и Ребюффа, как было договорено, поднялись к ним на помощь. Казалось, все беды, трудности и опасности позади. Но они еще только начинались.

В палатке он рассказал Терраю и Ребюффу об успехе. Они обратили внимание на его руки с пальцами твердыми и холодными, как ледышки. Но где Ляшеналь? Ведь он должен был прийти раньше!

Террай высунулся из палатки. Было темно из-за надвинувшихся облаков. Он закричал. Нет ответа. Через некоторое время сквозь свист и завывания ветра ему послышался голос друга. Когда ледяной туман рассеялся, он увидел примерно в ста метрах внизу тело, лежащее на снегу.

Схватив ледоруб и даже не нацепив кошек, Террай стал съезжать по крутому заснеженному склону, рискуя скатиться в пропасть. Остановился, сделав крутой поворот и вонзив ледоруб в снег, рядом с Ляшеналем. Тот не получил сильных повреждений от падения, но потерял одну кошку и ледоруб. Ступни своих ног он не чувствовал.

Вдвоем они поднялись к палаткам. Всю ночь Террай и Ребюффа растирали, массировали, колотили руки Эрцога и ступни Ляшеняля. Лучше бы они этого не делали, ограничившись отогреванием. Хотя пострадавшие конечности стали подавать признаки жизни, зато воспалились и опухли.

Тем временем буря с ужасающим воем набирала силы и засыпала палатки снегом. Два измученных «покорителя» Анапурны не могли самостоятельно одеться. Когда Террай попытался обуть Ляшеняля, то убедился, что сделать это невозможно: настолько распухли ноги. Ботинки Террая были намного больше, чем у пострадавшего. Но для того, чтобы надеть ботинки Ляшеняля, Терраю пришлось сделать на них надрезы и снять пару своих дополнительных носков, рискуя обморозить собственные ноги.

В белой пелене пурги трудно было выбирать нужное направление, избегать трещин и провалов, обходить скалы. Эрцог двигался самостоятельно, но очень ослаб. Ляшеналь сильно нервничал и спорил с Терраем, ставшим лидером группы.

День подходил к концу. Никаких признаков лагеря 4 не было. Они заблудились. Силы были на исходе. Не было никакого укрытия от пронизывающего ветра. Террай принялся копать в снегу яму своим ледорубом. Ляшеналь отошел в сторону, осматривая запорошенную снегом трещину. Вдруг он крикнул и пропал. Все бросились к нему на помощь. Он оказался в неглубоком провале. Крикнул:

– Все в порядке! Здесь чертовски большая пещера!

Они устроились в этом убежище. Укладываясь спать, Террай развернул свой спальный мешок. У трех остальных, решивших спускаться налегке, спальных мешков не было. Пришлось довольствоваться одним, спрятав в нем ноги. От холода они спали урывками. Их отчасти замело снегом. Ребюффа, надев свои ботинки, первым вышел из убежища, почувствовал пронизывающий ледяной ветер и понял, что ничего не видит. От резкой боли у него слезились глаза. Это была снежная слепота.

Ляшеналь вышел вторым и радостно сообщил, что светит солнце. Вылез и Террай. Но у Эрцога одеревенели от холода руки и ноги. Его пришлось вытаскивать из пещеры. От усталости он не мог идти. Сказал:

– Я умираю. Вы должны оставить меня.

Стараясь его ободрить, каждый тем не менее понимал, что шансов спуститься у них слишком мало: лишь один Террай был относительно крепок, хотя и он рисковал отморозить ноги. Другие были плохи: слепой, хромой и обессиленный.

Вдруг они услышали крики. Это поднимались к ним на выручку Шац и шерпы.

Казалось бы, все злоключения позади. Но им предстоял еще спуск с лагеря 4 по участку, где теперь то и дело срывались лавины. Одна из них обрушилась на альпинистов. Всех четверых сбило с ног. Они могли погибнуть, если бы Эрцог не угодил в трещину. Они были соединены веревкой, и он сыграл роль живого якоря, удержав остальных.

В лагере 2 их осмотрел доктор. У Террая и Ребюффа были незначительно обморожены пальцы рук и ног, а снежная слепота вскоре прошла. Эрцог и Ляшеналь, которым пришлось ампутировать (без анестезии) отмороженные пальцы на руках и ногах, не могли идти. Их несли шерпы под проливными муссонными дождями.

Судьбы восходителей сложились по-разному. Террай, занимаясь скалолазанием, в 1965 году разбился на утесах Векор в сравнительно невысоких известковых горах Центральной Франции. Ляшеналь после ампутации нескольких пальцев на ногах оставил альпинизм; стал более замкнутым, бесшабашно ездил на автомобиле, а в 1955 году погиб при спуске на горных лыжах.

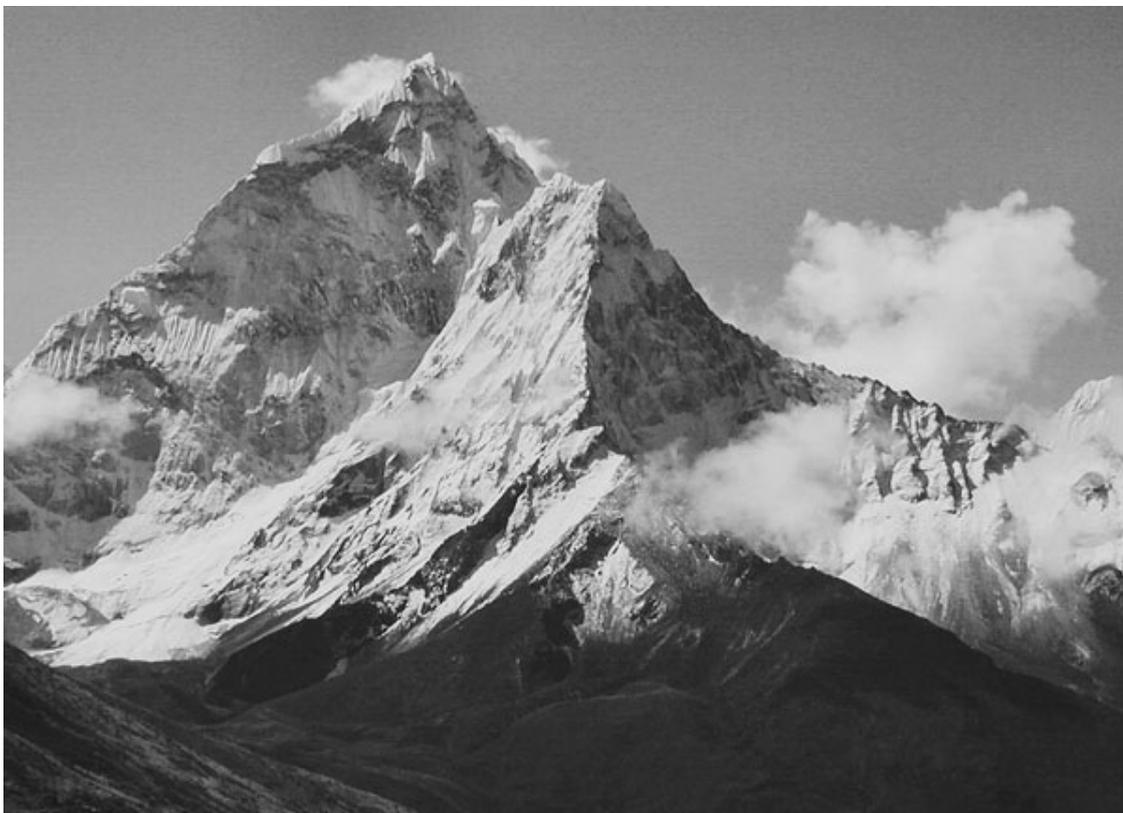
Больше всех физически пострадал Эрцог. Не имея возможности заниматься спортом, он работал во Французском альпийском клубе, затем стал министром по делам молодежи и спорта во Франции.

«Анапурна, – писал он, – к которой мы пришли с пустыми руками, оказалась сокровищем в наших воспоминаниях для всей нашей будущей жизни... Начинается новая жизнь!

Есть и другие Анапурны в жизни людей».

На «крышу мира»

Тибетцы зовут эту вершину Джомолунгма («Мать-Богиня Мира»). Когда англичане визуально обследовали ее со стороны Индии, то назвали в честь своего губернатора (отличавшегося высокой должностью, а не ростом) Эверестом.

Эверест (Джомолунгма) – высочайшая вершина земного шара

Только в 1920 году власти Тибета разрешили (со стороны Непала сохранялся запрет) организовать восхождение на эту высочайшую гору планеты: 8848 м над уровнем моря. В 1922 году английская экспедиция пошла на штурм Эвереста с севера, из Тибета.

С двумя спутниками известный альпинист Мэллори поднялся до рекордной высоты 8217 м. Но им пришлось вернуться: выбились из сил в разреженном воздухе и под пронизывающим морозным ветром. После еще двух неудачных попыток, в 1924 году Джордж Мэллори и Эндрю Ирвин с последней базы на высоте 8537 м пошли к вершине... И не вернулись. Неизвестно, удалось ли им испытать радость достижения цели – последнюю в жизни.

О том, какое значение в Англии придавалось восхождению на высочайшую вершину Земли, свидетельствует уже то, что Королевское географическое общество и Альпийский клуб создали специальный Эверестовский комитет. К Эвересту периодически направлялись разведывательные экспедиции (только ли с научными целями?).

Однако первыми на Эвересте едва не стали швейцарцы, получившие в 1952 году разрешение на восхождение. Участники этой экспедиции Раймон Ламбер и шерп Норгей Тенцинг подошли близко к вершине, но из-за неисправных кислородных баллонов вынуждены были отступить.

Начальником английской экспедиции 1953 года назначили полковника Джона Ханта – не слишком известного альпиниста, но прекрасного организатора. В группе было 12 альпинистов и 36 носильщиков-шерпов, которыми руководил Тенцинг. Некоторое время они тренировались, выходя с базового лагеря на высоты до 6 км.

Продвижение шло неспешно, с периодической разведкой наиболее удобного и безопасного маршрута и очередного лагеря. В одном месте нашли следы пребывания прошлогодней швейцарской экспедиции. Джон Хант, несмотря на то что был старше всех и занимал положение начальника, старался ни в чем не уступать другим, даже в переноске грузов. Но в то же время он был неплохим психологом и заметил, что наиболее сильная связка – Хиллари и Тенцинг.

Действительно, эти двое были крепки, энергичны, сноровисты и решительно настроены на достижение вершины. Позже Хиллари писал: «Если принять утверждение современной философии о том, что для преуспевания в спорте необходимо руководствоваться безжалостными и эгоистическими мотивами, тогда можно со всей определенностью сказать, что во время нашей экспедиции мы оба, Тенцинг и я, ближе всех походили на примадонн современного альпинизма. Мы желали успеха экспедиции, и никто другой не трудился больше нас, чтобы добиться его, однако в наших мыслях успех всегда связывался с тем, что мы окажемся где-то в районе вершины, когда это произойдет».

Базовый лагерь был расположен на высоте 5365 м. Из него рано утром 2 мая Хиллари и Тенцинг отправились вверх по Западному цирку, неся по 18 кг. Они добрались до лагеря 4, пройдя 4 мили и поднявшись до высоты 6462 м. Переход показал, что они находятся в хорошей форме.

Хант предпочитал действовать методично, но времени не терять. Они проводили предварительную разведку, затем устанавливали место очередного лагеря, и так далее. Ожидая последнего штурма, установили промежуточную базу на Южной седловине (7986 м).

На штурм Южной вершины (8765 м) предполагалось отправить Чарлза Эванса и Тома Бурдиллиона. Не исключалось, что они смогут достичь основной вершины. На сутки позже них должны были выйти Хиллари и Тенцинг. Однако путь до Южной седловины и переноска туда груза оказался трудным и более долгим, чем предполагалось.

«На большой высоте, – пишет альпинист Крис Боннингтон, – время словно замедляет свой бег благодаря состоянию вялости и апатии, в которое впадает восходитель. Возня с непослушным примусом, мытье посуды в ледяной воде, борьба с замерзшими ремнями кошек – все это настолько вторгается в повседневную жизнь восходителя, что начинает оттеснять на второй план основную цель, в данном случае восхождение на Южную седловину».

Это был последний опорный пункт перед решительным наступлением на вершину Эвереста. Тем, кто добрался сюда, с огромными усилиями подготавливая базу, не удалось даже преодолеть высоту 8 км, для чего оставалось подняться всего лишь на 15 м. Один из них откровенно признался в своих чувствах, когда он провожал глазами тех, кто стал подниматься выше: «Демон зависти, сдерживаемый мной до сих пор, выиграл всю при ощущении того, что моя работа была уже завершена».

Джон Хант с шерпом Да Намнгялом поднялись до высоты 8325 м и устроили склад припасов, после чего тоже вернулись вниз.

Эванс и Бурдиллион (он был разработчиком кислородной системы замкнутого типа, которую они испытывали при восхождении) направились к Южной вершине. Всего за полтора часа поднялись на 400 метров. Затем их путь по гребню резко замедлился из-за глубокого снега и налетевшей метели.

Кислородный аппарат Эванса стал барахлить, но они продолжали медленный подъем и достигли, наконец, Южной вершины (8765 м). Эванс и Бурдиллион были первыми людьми в мире на такой высоте, где могли побывать перед своей гибелью разве только Джордж Мэллори и Эндрю Ирвин.

Прошло пять с половиной часов с начала подъема. Что делать? Вершина была близка, и дойти до нее не представляло большого труда. Но смогут ли они вернуться до наступления темноты? А главное, хватит ли у них кислорода? Бурдиллион был уверен, что надо рискнуть.

Но Эванс, поставленный во главе связки, возразил. Возник спор. Эванс настоял на своем. Они пошли вниз. И правильно сделали.

От усталости они едва держались на ногах, а порой падали. Затем сорвались и покатались по склону. Бурдиллион смог затормозить падение ледорубом.

Больше всех обрадовались их возвращению Хиллари и Тенцинг: теперь у них появился шанс быть первыми на «вершине мира». Они вместе с Грегори, Лоу и шерпом Анг Ньима поднялись до высоты 8494 м и поставили палатку. Двое восходителей остались одни. Встали рано утром 29 мая, позавтракали и в 6.30 двинулись в путь. Погода былаясная, ветер слабый, мороз 25 °С.

В 9 утра добрались до Южной вершины. Дальнейший путь по карнизу с резкими перепадами и крутым обрывом почти в три километра оказался трудней, чем предполагалось. Особенно много неприятностей доставила отвесная скальная стена с ледяным карнизом, на которую с огромными усилиями забрался Хиллари, а затем и Тенцинг.

В 11.30 они достигли самой высокой точки Земли. Отсюда все склоны уходили вниз. Они обнялись, сделали несколько фотографий, воткнули в снег флаги Англии, Непала и ООН. Хиллари, выполняя просьбу Ханта, оставил распяты, а Тенцинг, по буддийскому обычаю – печенье и конфеты.

И хотя после них на Эвересте побывало множество не только мужчин, но и женщин, проходивших порой более трудными маршрутами и даже без кислородных масок, по давно заведенному обычаю высокие почести и слава достались первовосходителям.

...За каждые 10 лет Эверест становится выше на 1,3 см. С того времени, как на нем побывали Тенцинг и Хиллари, он вырос на полметра. Это объясняют движением с юга гигантской плиты литосферы, из-за чего каменные массивы образуют нечто подобное ледяным торосам.

В действительности любые гряды молодых гор растут, долины погружаются; происходит сложная система движений преимущественно растяжения, а не сжатия. (В этом довелось убедиться и мне во время работы в геологическом отряде на Кавказе, в Сванетии.)

При столкновении плит была бы совершенно иная картина. И все-таки, вопреки фактам, ныне даже среди специалистов пользуется популярностью примитивная «глобальная тектоника плит». Упоминаю об этом, чтобы подчеркнуть разницу между спортивными достижениями альпинистов, которые могут вызывать восхищение, и провалами в познании природы у иных ученых, наводящими на грустные мысли.

Недоступная К2

По трудности подъема из всех восьмитысячников на первом месте должна стоять вторая по высоте вершина Земли – К 2. Она возвышается, подобно гигантской пирамиде, припудренной вечными снегами.

Первыми попытались покорить ее американские альпинисты в 1938 и 1939 годах. Несмотря на хорошую подготовку, эти экспедиции не достигли цели. Вторая, вдобавок, завершилась трагически. Они последовательно устраивали базы, перейдя высоту 8 км. Из верхнего лагеря Фриц Виснер в связке с шерпом Пасангом Дава Ламой пошли на последний штурм. Но с высоты 8380 м они вынуждены были вернуться, чтобы повторить попытку на следующий день. На базе остался Дадли Уолф.

Потеряв во время спуска «кошки» (накладки с шипами на подошвы), они, не дождавшись помощи, спустились ниже, но и в этом лагере никого не было. Оставив потерявшего силы Уолфа, они продолжили спуск. Пришлось идти до базового лагеря. Оказывается, все базы были почему-то спешно эвакуированы.

На спасение Уолфа вышли трое шерпов во главе с опытным альпинистом Пасангом Киккули. Тем временем погода испортилась, и никто из них в лагерь не вернулся...

В 1954 году группа лучших альпинистов Италии начала восхождение на К2. Несмотря на плохую погоду, поднимались все выше, устанавливая базы. Впервые удачно применили подъем грузов с помощью ручной лебедки. Один из шести альпинистов из лагеря 7 на высоте 7320 м – Вальтер Бонатти – вынужден был спуститься вниз из-за отравления (о нем еще будет речь в главе об отчаянных одиночках).

Он вспоминал: «Когда наступил момент наблюдать, как мои товарищи отправились на штурм вершины, мир, казалось, рухнул вокруг меня. Я был потрясен, меня охватила апатия, я почувствовал себя совершенно бесполезным человеком и проклинал судьбу, которая лишила меня возможности насладиться моментом, которого я так долго ждал, – свести счеты с К2...

Вторая по высоте вершина Земли – К2

В то время пока пять моих товарищей уходили все выше и выше по склону, озаряемому лучами солнца, я остался в палатке, став добычей депрессии. Мои мысли были настолько горькими, что в конце концов мне пришлось приложить усилия воли для того, чтобы взять себя в руки. Я решил во что бы то ни стало съесть что-нибудь, несмотря на то, что при одной только мысли о пище начинало тошнить».

Через двое суток, 30 июля, Бонатти поднялся до лагеря 8 (7620 м). Из-за организационных просчетов ему и Галотти пришлось спуститься вниз до лагеря 7 за кислородными баллонами. Компаньони и Лачеделли пошли вверх, чтобы установить лагерь 9 (8060 м).

Каждый день, каждый час пребывания на такой высоте отнимал силы. Но Бонатти чувствовал себя неплохо. Не теряя времени, он вместе с носильщиком Махди, который нес баллоны, стал подниматься, минуя лагерь 8, все выше.

Близился вечер, а палатки лагеря 9 не было видно. Тяжело шагая, поднялись выше – палатки все нет. Смеркалось. Спускаться вниз означало провал экспедиции. Остаться на ночь в лютый мороз, на ветру грозило смертью.

Махди запаниковал. Он что-то кричал на своем языке. Бонатти безуспешно пытался звать своих товарищей. Стемнело, начиналась метель. Махди свернулся калачиком на снегу и замолк.

– Я не хочу умирать! – кричал в темноту Бонатти. – Я не должен умереть! Лино, Ахилле, вы слышите нас? Ради бога, помогите нам!

Вдруг из-за склона показался луч карманного фонарика. Это спустился Лачеделли. Теперь Бонатти мог подняться к палатке. Но он не оставил Махти замерзать и провел вместе с ним страшную ночь. Под утро метель утихла, и Махди, шатаясь, пошел вниз по склону.

На вершину К2 поднялись Компаньони и Лачеделли. Это был успех экспедиции, но и тяжелое разочарование для Бонатти, который сделал едва ли не больше всех для победы.

Он относился к людям спортивного типа, нацеленных на рекорды, первенство. И это свое стремление к успеху он смог реализовать позже в одиночном восхождении на почти вертикальный контрфорс Пти Дрю в Альпах.

Романтика непокоренных гор

Высокогорные восхождения совершают люди из разных побуждений. Сравнительно редко встречаются те, кому доставляет радость общения с природой, а не рекорд, слава или чувство самоудовлетворения. Австриец Герберт Тихи искренне признавался:

– Я не альпинист в строгом смысле этого слова. Горы, хотя я их очень люблю, не являются для меня самоцелью, местом проверки технической подготовленности и физических сил, а лишь частью нашего огромного мира, где я чувствую себя как дома. Я люблю горные вершины как людей, потому что они – равнозначащие части большого целого.

Он был геологом и умел не только «покорять горы» (нелепое, но общепринятое выражение), но и понимать их. Однажды в 1953 году он четыре месяца бродил в горах Западного Непала с четырьмя шерпами. Они восходили на некоторые шеститысячники в районе, где еще не бывали европейцы.

Вершина Чо Ойю

Интересную идею предложил Пасанг, работавший в экспедиции Хаита, он участвовал в штурме К2, поднимаясь без кислородного аппарата почти до высоты 8 км. Он предложил подняться на восьмую по высоте вершину, Чо Ойю (8153 м), которую год назад безуспешно пытался штурмовать Эрик Шиптон.

Осенью 1954 года Тихи вернулся в Непал вместе с опытным альпинистом Зеппом Иохлером и Гельмутом Хейбергером. В группу должны были войти 7 шерпов как полноправные участники экспедиции, хотя и работающие по найму. На этот раз Герберт Тихи из романтика превратился в целеустремленного прагматика, который решил во что бы то ни стало добиться конкретной цели – первому взойти на Чо Ойю.

Хотя руководителем и организатором экспедиции был Тихи, он постарался поддерживать в группе дух товарищества и равноправия. Когда требовалось принять какое-то важное решение, обсуждали вопрос сообща, и часто принималось мнение Пасанга как наиболее опытного восходителя.

Из базового лагеря, где остался Хайбергер на высоте около 5 км, за несколько дней поднялись до 6590, установив здесь третий лагерь.

Йохлер, страдая от горной болезни, вернулся на базу. Из австрийцев остался только Тихи. Дальше начиналась серия ледопадов, которую так и не смогла преодолеть группа Шиптона.

Усталый от перехода Тихи мечтал после обеда заползти в палатку и отдохнуть до утра, но Пасанг предложил пройти ледопад. Пришлось согласиться. С ними пошел второй шерп Аджиба. Пасанг преодолевал ледяные уступы первым и выбирал наилучший путь. За два часа ледопад был преодолен: разведка прошла успешно, и теперь можно было по выруб-

ленным ступеням и навешанным веревкам подниматься с грузом. В полном изнеможении, шатаясь, Тихи подошел к палатке и рухнул в нее.

Ночью – на 4 декабря – налетела метель. Запись в дневнике Тихи: «Один занимаю палатку. Хочу сделать последние приготовления к раннему выходу. На рассвете все три палатки смяло ужасающим штормом. Не переживал ничего подобного. Лежу, словно рыба в сети или труп под саваном. Безоблачное небо и ураганный ветер весь день. Пришли 2 шерпа из лагеря 2... Я никогда еще не видел такого неистовства природы на фоне такой красоты».

5 декабря ветер поутих, и пять шерпов с австрийцем медленно двинулись вверх. Только поздно вечером они установили лагерь 4 на высоте 7 км. Два молодых шерпа отправились обратно, а оставшиеся оборудовали бивуак. Ночью шквальный ветер сорвал растяжки и стойки палатки. Она придавила лежавших в ней Пасанга и Тихи.

Ветер не унимался. Когда они утром выползли из палатки, то не могли устоять на ногах, опасаясь, что их сметет со склона. Пасанг заполз в палатку. Он отчаялся и кричал, повторяя несколько раз:

– Никогда не видел такого урагана! Мы все умрем!

Герберт Тихи сохранял самообладание. «Мое второе Я смотрело на всех нас четверых совершенно бесстрастно, почти с иронией... – вспоминал он. – Это странное раздвоение личности сохранялось во время дальнейших событий. Одна часть его действовала инстинктивно и страдала, другая просто следила за событиями, не выражая ни чувств, ни сожаления».

Подобная рефлексия, свойственная интеллигенту, в подобных случаях может оказаться чрезвычайно полезной. Физиологически она определяется работой развитого левого «рассудочного» полушария мозга, которое получает гегемонию над правым, «эмоциональным». При некоторых видах шизофрении резкое расщепление работы обоих полушарий мозга вызывает феномен «раздвоения личности», порой граничащий с безумием. Но когда сохраняется более или менее гармоничное единство их деятельности под контролем рассудка, в экстремальных ситуациях это помогает сохранить здравый смысл и продуманность поступков.

Когда порыв ветра приподнял одну палатку и мог бы смахнуть ее со склона, Тихи бросился на нее. Шерпы, выведенные из оцепенения, стали погать ему закрепить палатку. Все это время Тихи был без рукавиц, и поздно понял, что отморозил руки. Шерпы стали их отогревать. Он сказал:

– Надо спускаться вниз.

Тихи, не владеющий пальцами, не мог самостоятельно надеть кошки и держать ледоруб. Шерпы собрали необходимые вещи, оставили палатки и все в связке пошли вниз. По мере спуска ветер слабел. В лагере 3 их встретил Йохлер. Когда он сюда поднимался, порыв ветра сбросил его со скалы, но, к счастью, он упал в рыхлый снег.

В лагере 2 находился Хейбергер с медицинской аптечкой. Тихи стал глотать таблетки для улучшения кровообращения: 80 штук в день при дозе в 16. Шерпов отправили вниз за продовольствием и топливом, а сами решили набраться сил для второго штурма. Йохлер и Хейбергер отправились на разведку западного склона Чо Ойю.

Гревшийся на солнце у палаток Тихи вдруг заметил две фигуры, приближающиеся со стороны перевала. Они оказались членами швейцарской экспедиции. Они потерпели неудачу на горе Гаури Занкар и теперь решили взойти на Чо Ойю. К ним двигался караван яков и носильщиков. И хотя Тихи настаивал, что именно он получил разрешение на восхождения, швейцарцы были непреклонны и согласились только подождать окончания второй попытки группы Тихи.

Пришлось спешно начинать подъем. Теперь для защиты от ветра вырубали пещеры в фирновом льду. 16 октября в лагере 3 (6590 м) их вновь настигла буря. Двое суток они отсиживались в пещере. Тем временем швейцарцы неуклонно продвигались все выше.

Утро 18 октября было ясным. Пока готовились к переходу в лагерь 4, увидели три фигуры, поднимающиеся к ним. Кто? К счастью, это были не швейцарцы, а Пасанг с двумя носильщиками, измученные тяжелейшим переходом с грузом. Они спешили, зная, что на горе появились конкуренты.

– Швейцарцы дошли до вершины? – отдышавшись, спросил Пасанг.

– Нет.

– Слава богу. Иначе я перерезал бы себе горло.

Он был настроен так решительно, что предложил не мешкая начать подъем. Тихи решил идти со всеми, и ему помогли надеть ботинки и кошки, застегнуть пуговицы на одежде. Пока они поднимались, ветер усиливался. На высоте 7 км оборудовали ночлег. Можно ли пройти оставшийся путь до вершины без кислородных баллонов? Выбора не оставалось: надо рискнуть.

Тяжкие переживания испытывал Тихи. Цель, ради которой он столько трудился и мучился, была близка, но для него едва ли достижима. И все-таки вместе с Йохлером и шерпами Пасангом и Гьялценом он пошел к вершине, хотя не мог держать в руках ледоруб.

Было холодно и ветрено, затруднял шаги рыхлый снег. Склон был пологим, и они вне связки шаг за шагом брели к вершине. Когда на пути встали скалы, Пасанг с помощью веревки втащил Тихи наверх. Дальше преград не было. Медленно, шаг за шагом, судорожно дыша и порой задыхаясь от недостатка кислорода, они приближались к заветной цели.

«Мир предстал передо мной в новой и доброжелательной красе... – вспоминал Тихи. – То немного, из чего теперь состояла жизнь, – небо, скалы, лед, ветер и я – стало неделимым целым. Я чувствовал себя одновременно и богом, и жалкой ничтожной песчинкой».

По его признанию, он испытывал «неописуемое, сверхчеловеческое блаженство». И в то же время сознавал, что они обречены на смерть, ибо не смогут вернуться засветло, останутся близ вершины и замерзнут.

Неожиданно они оказались на том месте, откуда во все стороны идут склоны. Это была вершина Чо Ойю! Они плакали от счастья.

«Над нами было бескрайнее синее небо, – писал Тихи. – Оно обнимало нас со всех сторон, подобно колоколу. Достичь вершины – большая радость, но близость неба величественнее. Немногие бывали к нему ближе, чем мы в тот день. Именно небо господствовало над нашими чувствами в течение нашего получасового пребывания на вершине».

С наступлением сумерек они успели добраться до лагеря 4.

Для Тихи это еще была победа над своей, казалось бы, безнадежной немочью. А Пасанг совершил беспрецедентный переход: за три дня он прошел свыше 30 миль, преодолев 4000 м высоты. Возможно, этот альпинистский рекорд так и не был побит.

Вершина, которой не стало

В 1932 году комплексная памирская экспедиция АН СССР в процессе геодезической съёмки обнаружила высочайшую вершину Памира (7495 м). Её назвали именем Сталина.

На штурм вершины осенью 1933 года отправилась группа участников Таджикско-Памирской экспедиции Академии наук СССР. Маршрут проходил через ледники Федченко и Бивуачный на восточном склоне горы. На высоту 6900 м поднялись шестеро (А. Гетье, Д. Гуцин, М. Шиянов, А. Цак, Е. Абалаков и начальник отряда, Н. Горбунов).

Эта вершина до 1962 года называлась пиком Сталина, до 1999-го – пиком Коммунизма, ныне – пиком Исмаила Самони

На последний штурм вышли в связке государственный деятель, сорокачетырёхлетний академик Е.Н. Горбунов и двадцатипятилетний скульптор Е.М. Абалаков. Первый поднялся до высоты 7380 м и дальше не смог или не захотел идти. Дело в том, что восхождение было предприятием не только спортивным, но и научным. Альпинисты делали фотографии, зарисовки, схемы расположения хребтов и записи, несли научные приборы, что требовало немалой дополнительной затраты сил.

Вершины достиг только Евгений Абалаков. Он вспоминал: «Последний крутой тяжёлый кусочек преодолён. Справа гряда скалистых более пологих выходов. Первые плиты камней. Вершина!..Вот она! Не выдержал, от волнения и радости на четвереньках вполз и лёг на чудесные, чуть тепловатые и защищенные от холодного ветра плиты».

Первое – вытаскил альтиметр. Стрелка прибора ушла на последние деления 7700 метров. Это приятно удивило. Если даже взять поправку (он показывал несколько больше), то цифра всё же остаётся солидной, близкой к 7500... При сильном ветре морозит крепко. С моих усиков свисают две огромные сосульки. Борода тоже стала ледяной... Делаю схемы и зарисовки ледников, вершин и хребтов».

Спустившись на базу (3900 м), Горбунов отправил радиограмму: «Москва, Кремль, товарищу Сталину. С радостью сообщаем Вам, что впервые исследованная нами в прошлом году высочайшая вершина СССР, названная Вашим именем, именем любимого вождя мирового пролетариата, взята 3/IX нашей штурмовой группой. На пике установлены две научные метеорологические станции. Группа шлет Вам пламенный привет. Горбунов».

Это достижение дало мощный импульс в развитии альпинизма в СССР, находившемся на подъеме. Сталин подписал документы, предполагающие создание системы подготовки горвосходителей (включая военных), укрепление материально-технической базы

альпинизма; инструкторам стали предоставлять отпуска без сохранения зарплаты на период работы в альпинистских лагерях.

...На картах Памира, изданных после 1962 года, пик Сталина исчез (по соображениям нечистой и нечестной политики). По исторической закономерности, через 30 лет не стало ни на картах, ни в действительности великой державы СССР. А с 1999 года пропал и пик Коммунизма. Его можно было бы назвать пиком Высокой Мечты. Но какой смысл существования человека, лишённого высокой и светлой мечты?

(С 1999 года она носит название «пик Исмаила Самони», основателя средневекового таджикского государства с центром в Бухаре).

Первый на Северном полюсе

Значительная часть популярных книг и очерков о путешествиях XX века посвящена экспедициям к Северному и Южному полюсам, хотя это формальные точки, отмечающие ось вращения планеты. А она совершает сложные, хотя и небольшие, перемещения. На полюсах сходятся меридианы; но и это сугубая условность. Без специальных приборов и астрономических наблюдений по земным визуальным приметам полюса не обнаружишь.

Ученые и путешественники обычно не обделены стремлением к славе, а для журналистов важно создать атмосферу сенсационности вокруг того или иного предприятия. Соединение этих двух интересов превратило экспедиции к полюсам планеты в некий вид спортивного состязания разных команд.

Среди тех, кто стремился достичь полюса, были серьезные исследователи. К их числу относится Фритьоф Нансен, организовавший научную экспедицию на специальном судне «Фрам» (об этом речь впереди). Но до Северного полюса он не добрался.

Принято считать, что первым побывал там Роберт Пири (1856–1920). Он с юности мечтал об арктических путешествиях и о славе «покорителя вершины планеты Земля».

Инженер по профессии, он служил в военно-морском ведомстве США, был отправлен не на север, а в прямо противоположном направлении – в Никарагуа. На подступах к полюсу он сначала побывал в Северной Гренландии. Во время отпуска летом 1886 года вместе с более опытным К. Мэйгаром он прошел по ледяному гренландскому щиту 160–190 км и поднялся на высоту 2,2 км.

Он еще не раз побывал в Гренландии, провел там зимовку вместе с исследовательской группой (с ним была жена Джозефина). Они вели метеорологические наблюдения, изучали быт и нравы эскимосов. В 1892 году Пири и норвежский лыжник Аструп за полтора месяца прошли без малого две тысячи километров по северо-западной окраине Гренландского ледникового щита. В 1900 году он достиг северной окраины Гренландии – мыса Виков на широте 83°37'.

Пири и Кук борются за первенство в открытии Северного полюса в окружении... пингвинов. Французская карикатура

Во время одного из походов Пири обморозил ноги, и ему удалили почти все пальцы ног. Но это не охладило его стремления достичь Северного полюса. Летом 1902 года он организовал экспедицию, которая, по его словам, по льдам океана прошла до 84°17 северной широты...

Проведя широкую рекламную и организационную деятельность, Пири обзавелся поддержкой Арктического клуба и ряда богатых жителей Нью-Йорка (он обещал увековечить их имена при открытии новых земель). Необходимые финансовые средства были получены, договоры заключены, и в 1905 году Роберт Пири отправился в экспедицию на Северный полюс. С ним был его обычный чернокожий спутник, слуга и врач Мэтью Хенсон.

В арктические воды они шли на предоставленном Арктическим клубом ледоколе «Рузвельт». Наняли большую группу гренландцев с ездовыми собаками. Судно осталось на зимовку на северо-восточной окраине острова Элсмир у мыса Шеридан.

В марте 1906 года его группа направилась на север по льдам океана. Путь оказался трудней, чем ожидал Пири. Они вернулись, не дойдя до цели. По словам Пири, 21 апреля они достигли рекордной широты 87°6 (правда, у специалистов, которые ознакомились с его записями, возникли сомнения в этом).

Вернувшись на родину, Пири летом 1908 года вновь отправился на «Рузвельте» сначала к мысу Шеридан, где перезимовал, а затем на запад к мысу Колумбия. 1 марта 1909 года он с М. Хэнсоном и группой эскимосов отправился «покорять» Северный полюс.

Двигались по принципу многоступенчатой ракеты: на определенном этапе очередная группа эскимосов отправлялась назад.

Полыньи сменялись торосами, ясные морозные дни – вьюгами.

На последнем переходе двух американцев сопровождали четверо гренландцев с сорока собаками. Им требовалось преодолеть оставшиеся 270 км. Было 1 апреля. А через 5 дней Пири записал в своем дневнике: «Наконец-то полюс! Моя мечта и цель в течение 20 лет! Наконец, мой!

Мы потом прошли еще 18 км... Итак, я в короткое время перешел из Западного полушария в Восточное, я действительно достиг вершины мира».

Он воткнул в лед американский флаг и оставил стеклянную бутылку, в которой написал, в частности, что он от имени президента США «формально вступил во владение всю область и ее окрестностями. Я оставляю этот акт и флаг Соединенных Штатов как заявку о владении».

Послание отчасти комичное. Льды океана находятся в постоянном движении, так что его бутылка с гордым заявлением о «правах владения» достаточно быстро удалится от дальней точки, и трудно сказать, куда она попадет через несколько лет.

Когда Пири благополучно вернулся обратно, то из первого пункта, где был телеграф, направил президенту США срочную телеграмму: «Северный полюс в Вашем распоряжении». И получил ответ: «Благодарю за щедрый дар. Не знаю, что с ним делать».

Роберта Пири чествовали как национального героя, наградили орденами и медалями, возвели в ранг контр-адмирала ВМС США.

Выше была сделана оговорка: «принято считать», что Пири был первым на Северном полюсе. Дело в том, что этот вопрос так и остался без убедительного ответа. Некоторых специалистов не убедили представленные им доказательства. Хотя, по его словам, Пири прошел еще дальше, а также измерил глубину моря в этом месте (оказалось – 2750 м).

Вообще, «покорение» Северного полюса изначально носило скандальный характер. Дело в том, что в США еще до сообщения Пири была получена телеграмма Фредерика Кука (1865–1940), врача и известного полярного исследователя. В ней говорилось, что он с двумя эскимосами побывал 21 апреля 1908 года на Северном полюсе.

Специалисты, ознакомившись с его материалами, высказали сомнения в этом утверждении, и претензии Ф. Кука были отвергнуты.

Суэта вокруг первого посещения Северного полюса вызвала большой отклик во всем мире. Например, французская газета опубликовала карикатуру: над полюсом, держась за американский флаг, заняты мордобоем два полярника (Пири и Кук). А вокруг толпятся внимательные зрители – пингвины. Это уже из серии географических казусов: как известно, пингвины водятся только в Южном полушарии.

Трагическое открытие Южного полюса

Норвежский полярный исследователь Руал Амундсен (1872–1928) прославился в 1906 году как первый путешественник, которому удалось пройти на небольшом судне из Атлантического океана в Тихий по так называемому Северо-западному проходу.

Осенью 1910 года Амундсен на корабле Нансена «Фрам» отправился к Северному полюсу. Однако в пути он получил известие о том, что там уже побывали Кук и Пири. Тогда Амундсен решил изменить маршрут экспедиции на прямо противоположный. Его целью стал Южный полюс.

Туда, как он знал (сам консультировал!), отплыла английская экспедиция, руководимая капитаном Королевского флота Робертом Скоттом (1868–1912). До этого он совершал маршруты в Антарктиде в начале XX века. В 1907 году Эрнест Шеклтон (прежде он был в группе Скотта) с четырьмя товарищами на пути к Южному полюсу прошли за 88° южной широты. И хотя до цели оставалось менее 200 км, они из-за страшной усталости и нехватки продовольствия вынуждены были вернуться назад (более тысячи километров).

Р. Амундсен: «С детства я мечтал о Северном полюсе, а покорил... Южный»

Итак, взяв курс на Южное полушарие, Амундсен оповестил Скотта о своем намерении. Началось соревнование – наперегонки.

Надо отдать должное Скотту: его экспедиция преследовала в значительной мере научные цели, была оснащена разнообразными приборами, вела на маршруте регулярные наблюдения за погодой. Все это, безусловно, затрудняло продвижение.

Понадеялись на технику, взяв мотосани; но они быстро вышли из строя. По какому-то нелепому заблуждению (почему опытный Амундсен не разубедил?) использовали лошадей, пони, которые не смогли перенести страшную антарктическую стужу. Да и одежда полярников в те времена была громоздкой и недостаточно утепленной.

Всех этих промахов избежал Амундсен. Он избрал более короткий путь (почти на 100 км), взял мобильную группу, оснащенную в «эскимосском стиле», с собачьими упряжками. За время зимовки его люди на значительной части маршрута расставили промежуточные базы, склады продовольствия и горючего.

Его попытка выйти значительно раньше Скотта – в конце августа – не удалась: пришлось вернуться из-за сильных морозов. Суровая полярная весна еще не наступила. 15 октября они пошли на штурм Южного полюса.

Отряд Скотта выступил чуть позже из-за неполадок с техникой. Они также пересекли гигантский широкий шельфовый ледник Росса. У группы Амундсена было преимущество: путь до полярного круга у них был вдвое короче. Имея хорошо подобранные собачьи упряжки, его группа из пяти человек за четыре дня поднялась на ледник высотой около 3 км. Всего им предстояло пройти 2250 км.

С огромными усилиями, волоча за собой сани с вещами и провиантом, стараясь вести научные наблюдения, пробивались к полюсу Скотт и его спутники: Лоуренс Оутс, Эдвард Уилсон, Эдгар Эванс, Генри Бауэре.

Группа Амундсена, отправившаяся чуть позже них, двигалась быстрее и немного более простым путем, хотя и менее изученным, и первой достигла Южного полюса 14 декабря 1911 года. Они водрузили норвежский флаг, все вместе держась за древко.

Амундсен записал в дневнике: «Никто, вероятно, не был более далек от цели своей жизни, чем я в эту минуту. С детства я мечтал о Северном полюсе, а покорил... Южный».

Обратный путь они прошли быстро по знакомому маршруту от базы к базе, несмотря на сильный мороз. Они были отличными выносливыми лыжниками, привыкшими к Заполярью. 26 января 1912 года все они вернулись на побережье. Здесь их поджидал «Фрам», успевший совершить исследовательский поход.

К тому времени Скотт и его товарища уже достигли (17 января) заветной точки, от которой все пути ведут на север. Англичане издали увидели норвежский флаг, подошли к истоптанной площадке.

Это было страшным потрясением в жизни этих сильных людей. Они были истощены физически и опустошены морально.

«Все труды, все лишения и муки – к чему? Пустые мечты, которым теперь настал конец».

Обратный путь оказался мучительным и трагичным. Пронизывающий холод. Скотт и Эванс упали в глубокую трещину. Эванс серьезно пострадал, по-видимому, получил сотрясение мозга. Он стал быстро терять силы и 17 февраля скончался.

Оставшиеся четверо добрались до базового склада. Тут их ожидал новый удар: из баков при очень низких температурах вытек весь керосин. Они остались без топлива.

С каждым днем портилась погода. Температура опустилась ниже 40 °С. Заболевший Оутс, жертвуя жизнью, 16 марта ночью в пургу ушел из палатки и замерз. Скотт записывает через два дня: «Мы изнурены почти до предела... Моя правая нога пропала – отморожены

почти все пальцы». Через 4 дня: «Метель не унимается... Топлива нет, пищи осталось на раз или два. Должно быть, конец близок».

Последние записи Скотта 29 марта: «Жаль, но я не думаю, чтобы я был в состоянии еще писать. Р. Скотт». Однако у него нашлись силы на последние слова: «Ради Бога, не оставьте наших близких».

Группа поиска через 8 месяцев обнаружила палатку. В ней лежали заледенелые тела трех путешественников. Скотт сидел, прислонившись к стойке, с записной книжкой под головой.

На памятнике, установленном на их могиле, надпись: «"Бороться, искать, найти и не сдаваться" – было девизом их жизни» (строка из поэмы Альфреда Теннисона).

Амундсен был потрясен известием о гибели своих «соперников». Он не без основания чувствовал в этом и немалую долю своей вины.

У него возникла честолюбивая мечта первым из землян побывать на обоих полюсах планеты. В 1918 и 1925 годах он пытался достичь Северного полюса на аэроплане и гидроплане, – неудачно. Третья попытка была предпринята на дирижабле «Норвегия», построенном по проекту инженера Нобиле в Италии на средства американца Элсуэрта. Они совершили в мае 1926 года трансарктический перелет из Шпицбергена до Аляски, сбросив над Северным полюсом норвежский, итальянский и американский флаги.

Глава 2. Отчаянные одиночки

Одинокое заключение – тяжкое наказание. Немногим удается долго выдержать его, не теряя духовных и физических сил, ясного рассудка.

Одинокое заключение – свободный выбор некоторых людей. Они делают его именно тогда, когда уверены в своих силах и способности преодолеть невзгоды, добиться какой-то цели, порой с явным риском для жизни.

Что толкает их на подобные поступки? Причины бывают разные. Наиболее позорная, на мой взгляд, – ради рекламы, по заказу толстосумов. Но что поделать, если таков неписанный закон капитализма.

Вообще-то для трудных одиночных маршрутов требуется особый склад ума и характера. Чрезвычайно редко они не предполагают никаких научных или познавательных целей. В советское время в геологический маршрут запрещалось ходить одному (хотя, конечно, иногда приходилось нарушать это правило техники безопасности).

Преодоление злой магии К2

В 1954 году Вальтер Бонатти не по своей вине, а на свою беду не смог принять участие в последнем штурме вершины К2. С этого момента на него словно пало заклятие.

На следующий год в Альпах он с тремя друзьями-альпинистами решил подняться на почти отвесную западную стену горы Пти Дрю. Никому еще не удавалось преодолеть ее целиком. Однако из-за плохой погоды они вынуждены были отступить.

Бонатти признавался: «Второе поражение привело к серьезной душевной депрессии, которая оказалась последней каплей, переполнившей чашу моего разочарования и огорчений, которая и так уже была полна до краев после возвращения с К2... Можно сказать, что в течение целого года я не верил ни во что и никому. Я стал нервным, раздражительным и нетерпимым к людям, растерял все идеалы, иногда приходил в отчаяние без всякой видимой причины. Я чувствовал, что потерял самого себя и перестал существовать для других. Часто, когда кто-нибудь говорил, что К2 доконала меня, рыдания подступали мне к горлу, а что я выстрадал в одиночестве – трудно вообразить».

Вальтер Бонатти выбрал смертельный риск как лекарство от депрессии

Депрессия – тяжелый душевный недуг. Нередко выход из него страдающий находит в самоубийстве. Бонатти избрал другой вариант: смертельный риск и тяжелейшее физическое и моральное испытание. Он решил в одиночку штурмовать неприступный доселе юго-западный контрфорс Пти Дрю.

При таком восхождении полагаться приходится только на себя в любых обстоятельствах. Угроза гибели возрастает из-за чрезвычайной трудности маршрута, по большей части совершенно неизвестного.

Чтобы избежать критических замечаний и насмешек, Бонатти поделился своим планом только с профессором Черезе, когда они в августе приехали в отель, расположенный напротив горы. Шел дождь. К 15 августа небо прояснилось, и в этот день в 2 часа ночи Бонатти вышел с грузом снаряжения и продовольствия весом 36 кг.

Он подошел к горе, поднялся по крутому рыхлому склону морены (нагромождению песка, глины и валунов, оставленному некогда ледником) и стал подниматься по узкой расщелине к основанию контрфорса. Надо было пройти ее до того, пока солнце отогреет скалы и от них начнут отламываться обломки.

Скалы, покрытые коркой натечного льда, были иссечены камнепадами. Альпинист поднимался по желобу, с каждым часом все больше рискуя попасть под удар камня. Рюкзак застревал в расщелинах. Пошел снег. Пришлось возвращаться.

Он не был обескуражен и продумал другой маршрут: спуститься на 245 м к подножию стены со скалы, добраться до которой было нетрудно. Перед штурмом Бонатти чувствовал себя неважно. «Я завидовал... – писал он, – всем, кому не надо было подвергать себя таким испытаниям ради самоутверждения». Но он решил, несмотря на плохое предчувствие, пойти на штурм, пусть даже ценой жизни.

С тяжелым грузом он добрался по склону Дрю до места спуска в пропасть. Используя длинную веревку, он спускал на очередной выступ рюкзак, а затем спускался сам. Приходилось вбивать в расщелины скал крюки. Однажды он промахнулся и размозжил молотком последнюю фалангу безымянного пальца. Хлынула кровь, руку словно ожгло. Все же он забил крюк и перевязал рану.

Спуск оказался неожиданно трудным и долгим. Наконец, он добрался до стены и начал подъем. К вечеру он добрался до небольшого заснеженного уступа. И тут веревку заклинило: он не смог ее продернуть. Пришлось устраивать ночлег, хотя прилечь было негде. Он промок насквозь. Открыв рюкзак, обнаружил, что топливо вылилось из пробитой фляги, испортив почти все продукты. Остались: две пачки галет, четыре небольших сыра, тубик сгущенного молока, банка тунца, две банки пива, небольшая фляжка коньяка. В довершение бед он теперь не мог растопить лед для питья.

Всю ночь он простоял, дрожа от холода. Казалось, что все идет к бесславному или трагическому финалу. На рассвете подсохшую за ночь веревку удалось освободить, и он продолжил подъем.

Скалы были крутыми и гладкими. Приходилось выискивать трещины, вбивать крюки, закреплять страховку, а пройдя участок, закреплять веревку и спускаться, выбивать нижние крюки, подтягивать вверх рюкзак. Поднявшись, немного передохнуть, выбрать дальнейший путь и проделывать вновь то же самое.

На третьи сутки были пройдены две трети подъема. Путь преградил нависающий карниз. Распухшие руки были в ссадинах, болел разбитый палец. Организм был обезвожен, и мышцы порой сводила судорога.

Под карнизом на гладкой стене змеилась трещина. Он стал продвигаться вдоль нее, забивая крючья. Невдалеке пролетел небольшой самолет, развернулся и прожужжал вниз. По-видимому, его хотели обнаружить на этой огромной стене.

Ему надо было добраться до другой трещины, но расстояние было слишком велико. Один выход: раскататься маятником. Но тут заклинило веревку. Пришлось возвращаться, выбить крюки, снова приблизиться к трещине. Несмотря на все усилия, добраться к ней не удалось. Путь назад тоже был отрезан.

Он находился на грани паники. Помощи ждать не приходится. Один. Измучен труднейшим подъемом при недостатке пищи и воды. Силы на исходе. Что делать?

У основания недоступной трещины он увидел скальный выступ с торчащими зубцами. Одна надежда: забросить туда веревку и снова использовать метод маятника. Он привязал к концу веревки петлю, прикрепил к ней несколько специальных крючков. После множества бросков это сооружение зацепилось более или менее прочно за выступ.

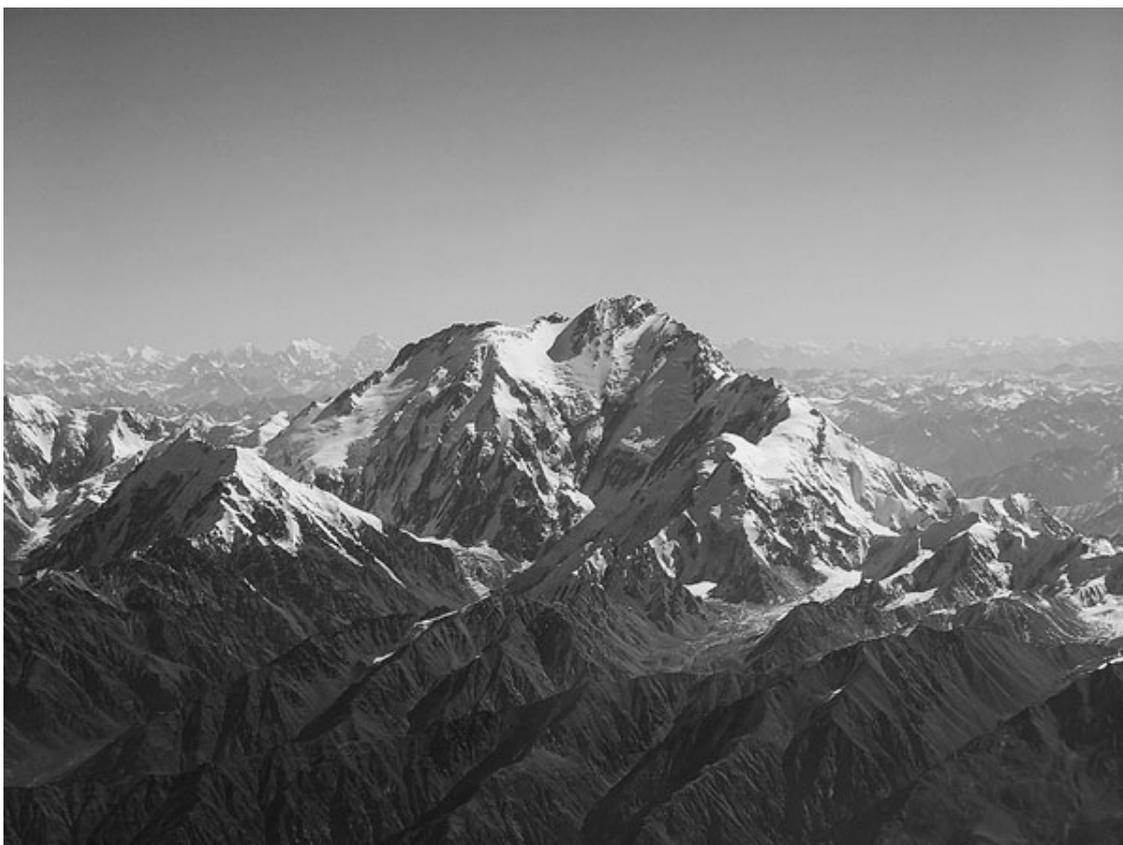
Бонатти вспоминал: «Последние секунды мучительной нерешительности, последняя молитва, а затем, когда пробрала неудержимая дрожь и, не дожидаясь, когда ослабнут мои силы, я на секунду закрыл глаза, задержал дыхание и скользнул в бездну, вцепившись обеими руками за веревку. В одно мгновение мне показалось, что я лечу вниз вместе с веревкой, но затем падение словно замедлилось, и через секунду-другую я почувствовал, что прошел мертвую точку, – крепление выдержало».

Он осторожно подтянулся на веревке до скального выступа и забрался на него. За несколько часов удалось только обойти карниз. Наступила шестая ночь подъема по контрфорсу. Но теперь он поверил, что маршрут будет пройден, хотя распухшие руки едва слушались его. Уже на подходе к вершине у него под рукой отвалилась глыба. Он едва не улетел вместе с ней в пропасть, но успел заклинить руку в трещине. Камень задел ногу, но сильно ее не повредил.

Последние усилия, и в 4 с половиной часа утра 22 августа 1955 года Бонатти встал на вершину Пти Дрю. Он одержал победу над мучившими его злыми духами пика К2.

Один на один с Нангапарбат

Англичанин Морис Уилсон вышел в 1934 году один на штурм Эвереста, веря в свою счастливую звезду, хотя и не обладая должными навыками такого восхождения. Он погиб почти на полпути. Два других альпиниста-одиночки благополучно отступили уже на подступах к вершине.

Вершина Нангапарбат

С тех пор долгое время подобные походы на высочайшие вершины мира никто не совершал. Бывали случаи, когда участник большой экспедиции поднимался один из последнего лагеря, расположенного достаточно близко к вершине. Совсем другое дело – самостоятельный подъем от подножия горы. Надо нести тяжелый груз и несколько дней оставаться один на один с горой, рассчитывая только на себя и рискуя погибнуть при несчастном случае, ибо никто не придет на помощь.

На такое восхождение решился в августе 1987 года австриец Рейнхольд Месснер. Его целью был пик Нангапарбат (8125).

У этой экспедиции была непростая предыстория. Рейнхольд уже дважды пытался совершить этот дерзкий маршрут, и оба раза неудачно. Но главное, что здесь в 1970 году он был в составе группы австрийца Карла Херлигкоффера. Из последнего лагеря он достиг вершины вместе с младшим братом Понтером. Они шли налегке, а обратный путь оказался значительно трудней, чем они предполагали. Им пришлось провести ночь на морозе без палатки и примуса, под алюминизированной пленкой.

Дальнейший спуск совершенно их измотал, а до лагеря так и не удалось добраться. Пришлось вновь заночевать на леднике. Продолжили спуск рано утром, еще при луне. Рейнхольд шел впереди, выбирая путь. Он плохо соображал, ему слышались голоса и мерещились фигуры людей и животных. Остановился, утолил жажду из ручейка и сел, дожидаясь брата. Его не было.

Рейнхольд весь день искал брата, охрипнув от крика. Обнаружил след свежей лавины в том месте, где они спускались. Стало ясно: под ней погребен Гюнтер. Спустившись к подножию ледника, Рейнхольд провел здесь четвертую ночь без еды и укрытия.

Он вышел в долину и снова ночевал, двигаясь, как во сне. Когда его заметили местные скотоводы, он был крайне истощен, обожжен солнцем, с изодранными в кровь и обмороженными ногами. Позже ему ампутировали большой палец на ноге и частично – почти все остальные.

Богатый барон из Западного Берлина пригласил измученного альпиниста погостить и набраться сил в его замке. И то и другое удалось, но уехал Рейнхольд не один, а с красавицей баронессой Уши, оставившей мужа и троих детей. Они поженились и в 1971 году побывали у горы Нангапарбат, в безуспешных поисках тела Гюнтера. На следующий год Рейнхольд взошел на свой второй восьмитысячник – Манаслу (8156). И тут произошла трагедия. Месснер с напарником Йегером вышли на штурм вершины. На полпути Йегер решил вернуться. Рейнхольд побывал на вершине, несмотря на снежную бурю, и вернулся в лагерь, а его напарника все еще не было. Два других альпиниста пошли на его поиски, и один из них погиб.

Прошел год, и Рейнхольд попытался первый раз один взойти на Нангапарбат. Перед маршрутом он пребывал в подавленном состоянии. Записал в дневнике: «Уже далеко за полночь, а я не могу заснуть... Я думаю об Уши и горько плачу». Он выступил утром, но быстро почувствовал, что лучше повернуть назад...

Он снова и снова возвращался с альпинистскими экспедициями в Гималаи. В результате... Уши от него ушла. Он попытался пройти в одиночку Нангапарбат. Безуспешно! Зато ему удалось в мае 1978 года вместе с Петером Хабелером взойти на Эверест без кислородных аппаратов.

Итак, 6 августа 1987 года Рейнхольд Месснер от подножия все той же Нангапарбат направился вверх по склону, предполагая за трое суток преодолеть крутые подъемы высотой 3500 м. В рюкзаке – легкая палатка, спальный мешок, примус, ледоруб, кошки, запас продуктов – всего 15 кг. За 6 часов он поднялся на 1600 м. Первая ночь прошла хорошо. Под утро невдалеке сошла огромная лавина. За этот день он поднялся на 1 км.

Одиночество порождало видения. Ему казалось, что он здесь не один (защитная реакция подсознания!). Однако на следующее утро он вдруг остро ощутил утрату своей любимой Уши, почувствовал себя одним на целом свете и горько заплакал. Пожалуй, сказались усталость и высота 7500 м. Он решил добраться до вершины налегке с ледорубом и фотоаппаратом, а затем вернуться в палатку. Путь оказался тяжелым, и лишь к 4 часам дня он взошел на вершину Нангапарбат.

Он был на удивление спокоен, хотя прежде на восьмитысячниках переживал сильнейший наплыв эмоций – до рыданий. Позже он обдумал причину такой разницы и верно рассудил: «Поскольку я был теперь на вершине в одиночестве, то просто не смог бы перенести такого наплыва чувств и уйти отсюда. Наш организм знает больше, чем мы в состоянии постигнуть умом».

На вершине он пробыл час, сделал фотоснимки (автоспуском запечатлел на пленке и себя). Спустился к палатке. А ночью началась буря. Сутки ему пришлось провести в палатке. На такой высоте он быстро терял силы. Решил оставить все вещи и за день спуститься до лагеря. Не удастся – смерть. Прошел по ледяному желобу, где в любой момент могла пролететь лавина.

Ему повезло. Спуск на базу прошел так же успешно, как восхождение.

Через Атлантику на вёслах

Переплыть на веслах в одиночку Атлантический океан! Идея то ли бредовая, то ли самоубийственная. Штормы, встречный ветер, морские течения и больше трех с половиной тысяч миль...

Когда 29-летний Джон Фэрфакс попросил помощи в этом предприятии известного конструктора яхт Уфу Фокса, тот был в недоумении. Но все-таки через месяц прислал решительному молодому человеку синьки чертежей лодки, способной выдержать такой переход.

Побережье Флориды, к которому так стремился Джон Фэрфакс

Джон Фэрфакс – авантюрист по складу характера, интернационалист по происхождению и месту жительства, – родился в 1937 году в Италии от отца англичанина, матери болгарки. С детства жил с матерью в столице Аргентины Буэнос-Айресе. Отличался бойким, а то и хулиганским характером. В поисках приключений и удачи пробовал разные профессии в Бразилии, странах Карибского бассейна. В 1966 году, уже будучи в Великобритании, узнал, что англичане Риджуэй и Блай вдвоем на лодке пересекли Атлантику, и их чествовали как героев.

Это событие произвело много шума в прессе. Дело в том, что раньше них, 21 мая 1966 года из США в Англию вышли на веслах журналисты Джонстон и Хор. Они надеялись, что им поможет попутный Гольфстрим.

Через две недели Риджуэй и Блай тоже пошли на веслах через Атлантику, севернее их маршрута. 92 суток они непрерывно гребли – вдвоем и поочередно, испытывали шторма и переживали часы отчаяния. Через несколько недель посредине Атлантического океана была найдена опрокинутая лодка их «конкурентов». Джонстон и Хор погибли.

Такой финал не поколебал решимости Фэрфакса. Чертежи лодки у него-то были, но не было денег. Он мыл посуду в ресторане, искал богатых покровителей, поместил объявление в «Тайме». Наконец, одна из газет выделила деньги на строительство лодки. Она была сложней оборудована и более устойчива, чем лодка Джонстона и Хора.

Фэрфакс выбрал южный маршрут от Северной Африки на запад. Взял с собой опреснитель морской воды и запас пищи на 100 дней. Рассчитывал пополнять его ловлей рыбы. 20 января 1969 года он вышел на веслах в океан на лодке «Британика». Работал на веслах несколько часов, но ветер и волны мешали продвигаться вперед. Успехи были ничтожны. Как только он переставал грести, лодку относило назад. Поистине сизифов труд!

На пятые сутки он потянул мышцы спины. Иногда он орал от боли, но вынужден был налегать на весла. На 16-е сутки он загарпунил морскую черепаху. Еще через неделю повстречался с судном, идущим в Буэнос-Айрес. Он поднялся на борт, принял ванну и подкрепился обедом, а затем чуть не поддавался искушению: капитан предложил ему бесплатный проезд вместе с лодкой. Ведь прошел почти месяц, а Фэрфакс не прошел и десятую часть пути. Заманчивое предложение было отклонено.

Вскоре задул попутный ветер. Но затем грянул шторм. К счастью, «Британика» прыгала на волнах, как пробка. Наконец, его подхватило течение. Потянулись дни многочасовой работы веслами и достаточно быстрого продвижения вперед. Он добывал рыбу, имел неприятные встречи с акулами. Это было особенно опасно, когда ему приходилось спускаться за борт и очищать днище лодки от ракушек.

Фэрфакса сносило на юг, а потому путь становился длиннее: ведь он хотел достичь Флориды. Пришлось выбросить за борт излишки продовольствия (кроме месячной нормы) и грести 12 часов в сутки. На руках и на сиденье увеличивались ссадины, возникали язвы.

В день своего рождения, несмотря на волны, он позволил себе вольность: встал с бутылкой бренди и захотел сделать глоток. В этот момент его смыло за борт. К счастью, не отбросило в сторону, и он смог забраться обратно. Но подошва на правой ноге была распорота. Рана заживала медленно, грести стало труднее, а порой его лихорадило.

Однажды Фэрфакс почувствовал себя скверно, до рвоты. К лодке подплыла любопытствующая акула. Он внезапно ощутил дикую ненависть, схватил нож и бросился к ней. Она отплыла. Он продолжал погоню. Опомившись, увидел свою лодку вдали. К счастью, был слабый ветер, и ему удалось к ней доплыть.

Перевалившись через борт, он все еще плохо соображал и был в бешенстве. Ему почудилось, что перед ним белое брюхо акулы, и он стал кромсать его ножом. Вдруг сообразил, что перед ним белая парусина водосборника. Тогда он лег на лежанку, колотя по обшивке, пока не заснул. «Не припомню случая, – писал он, – чтобы мне доводилось так сломаться прежде... Мне было тогда не по себе».

Землю он увидел на 160-е сутки – 29 июня. На этом необитаемом островке он побегал по песку, поймал омара и продолжил маршрут. Добравшись до Багамских островов, все-таки нашел в себе силы двигаться дальше, к намеченной цели – на северо-запад, к Флориде.

Фэрфакс рисковал стать жертвой нередких здесь тайфунов. Но удача была на его стороне. Прошло еще 20 дней, и «Британика» подошла к берегу Флориды. Победа!

Кругосветка Чичестера

Этот рейс Френсиса Чичестера признали в XX веке самым выдающимся достижением в одиночных плаваниях. Три вызова бросил он Мировому океану: обогнуть мыс Горн, идя с запада (так опасались ходить даже крупные парусники); побить достижение Вито Дюма, обогнувшего земной шар за 272 дня; установить рекорд безостановочного плавания – лишь с одной стоянкой.

Предстояло идти «ревушими сороковыми» – широтами, где ветры проносятся над пустынными водами, вздымая пятнадцатиметровые волны. Здесь царствуют циклоны, приносящие жестокие штормы, человек и судно испытывают предельное напряжение. Этот маршрут в XIX веке прославили английские клиперы, ходившие в Австралию и обратно к

Британским островам вокруг мыса Горн. Чичестера вдохновила идея пройти одному по пути парусников с большим экипажем. А ведь ему уже исполнилось 64 года!

Сэр Френсис Чичестер в путешествии

В первое путешествие – из Англии в Новую Зеландию – он, сын священника, отправился 18 лет с 10 фунтами. Работал лесорубом, золотоискателем, продавал газеты, посредни-

чал в фирме по недвижимости. Через десять лет на свои средства построил в Англии спортивный самолет «Мот» и вскоре стал известен как отважный пилот. В 1931 году выиграл кубок за первый в мире перелет над Тасмановым морем из Новой Зеландии в Австралию, а затем осуществил самый длительный одиночный перелет из Новой Зеландии в Японию. Через 5 лет с товарищем пролетел из Австралии через Китай, Индию, Ирак, Египет и Тунис в Англию.

Во время Второй мировой войны он служил в Англии инструктором военно-воздушной школы по астронавигации (из-за ограничения летать – по зрению и возрасту).

Парусным спортом Чичестер занялся в 50 лет, как всегда с увлечением овладев технической стороной дела, а упорства и характера ему было не занимать. В 1960 году на «Джипси-Мот III» победил в первой атлантической регате одиночек, пройдя 4004 мили за 40 с половиной суток. Он похудел почти на 5 кг, но ранее обнаруженный рак отступил. Парус вернул его к жизни, море заставило поверить в свои силы. «Мне хотелось бы повторить эти гонки. Я не совершил бы тех ошибок, которые допустил в этом состоянии», – подытожил Чичестер. Зимой 1961/62 года его модернизированная яхта преодолела Атлантику быстрее своего же рекорда на 7 дней.

Участвовал Чичестер и во Вторых атлантических гонках 15 яхт в 1964 году, заняв второе место и выполнив обещание пройти трассу менее, чем за 30 дней. Теперь можно было осуществить свою мечту о кругосветном плавании.

Чичестера поддержал лорд Дулвертон, ассигновав 20 тысяч фунтов стерлингов на постройку океанской яхты «Джипси-Мот IV» с площадью парусов 80 м², рассчитанной на обслуживание одним человеком. Корпус из 6-слойной прочной и легкой фанеры, длиной 16,5 и шириной 3,2 м, осадкой 2,4 м. Свинцовый балласт 3,9 т для остойчивости при 6-балльных ветрах и полной парусности.

Яхта была оснащена несколькими комплектами парусов, автоматическим рулевым устройством, спасательным плотом, радиостанцией с радиусом действия до 5 тыс. миль. На нее погрузили 300 кг продовольствия для первого этапа (обязательно – чеснок), пиво, коньяк, шампанское, сигары. Захватил мореплаватель и любимые музыкальные записи Бетховена и Гершвина.

27 августа 1966 года яхта Чичестера, облаченного в фирменный зеленый сюртук, вышла из Плимута. Так начался рейс под патронажем «Интернейшнл вул», богатейшей английской компании, производившей шерстяные ткани, клипера которой прежде доставляли шерсть в Британию. Заключение Чичестер договор с газетами «Гардиан» и «Санди тайме», также субсидировавшими его путешествие, о праве первыми публиковать репортажи о его плавании. Реклама, сэр!

При сильных порывах ветра удерживать яхту на курсе было трудно: расчеты не оправдались, судно оказалось плохо уравновешено. Чичестер, опершись плечами о кокпит, обеими ногами нажимал на румпель. Не всегда слушалась «автоматика». При сильном крене скорость достигала 9 узлов.

На 22-й день плавания, проходя мимо островов Зеленого Мыса, Чичестер отметил свое 65-летие. А 22 сентября, когда за кормой осталось 3500 миль, им был пересечен экватор. Яхта тогда не уступала в скорости клиперам XIX века, даже легендарной «Кати Сарк». Но далее из-за плохих погодных условий скорость резко упала.

В начале октября, на 38-й день рейса, «Джипси» повернула на восток, навстречу «ревушим сороковым». Кончались запасы воды, барахлило устройство для зарядки аккумуляторов. Но яхта упорно продвигалась по намеченному маршруту: позади уже 7000 миль. На 58 день, обогнув мыс Доброй Надежды, она вошла в Индийский океан.

«Шесть раз пересекал я Северную Атлантику в это время года и трижды в одиночку. Приходилось встречаться там с ураганами, при которых скорость ветра достигала 80 узлов.

Но теперь, в сравнении с Индийским океаном, всё это казалось детской забавой. Здешние штормы свирепы, коварны и зловещи», – отметил Чичестер.

Беда пришла неожиданно. Сломалось автоматическое управление. Чичестер, соединив шкотами парус с румпелем, смастерил замену. Но приходилось часами не выпускать румпеля из рук, если неблагоприятные ветры не позволяли яхте идти самостоятельно. Это были трудные дни противоборства со стихией. При сильном ветре и высокой волне «Джипси» продвигалась вдоль южного побережья Австралии.

Среди островов Бассова пролива яхта шла галсами. 5 декабря до Сиднея оставалось 400 миль. И тут разразился штиль – бедствие для парусников. Чичестер едва держался на ногах. Только 11 декабря подул ветер. В лучах солнца сильно накренившаяся «Джипси-Мот IV» неслась по волнам к недалекому уже Сиднею под рев сирен и гудков сопровождавших ее яхт и моторных лодок. В порту среди встречавших героя были и прилетевшие из Англии жена Шейла и сын Джиль. 14 113 миль пройдены без остановок за 106 дней и 20 час 30 мин.

Сходя на берег, Чичестер с горечью сказал: «Теперь я уже знаю, что всему есть предел. Потерял я свои молодые силы». Он похудел на 10 кг, с трудом двигался из-за раненной при ремонте судна ноги. На вопрос, было ли ему страшно, ответил: «Это слабое определение. Временами меня охватывал ужас».

В Сиднее яхт-клуб отремонтировал судно, улучшив по его рекомендациям мореходные качества: была изменена форма киля, увеличен вес, по-новому распределен балласт. Но друзья, владелец яхты лорд Дулвертон, специалисты советовали Чичестеру отказаться от плавания вокруг мыса Горн. И все-таки 29 января 1967 года, после семи недель стоянки в Сиднее, «Джипси» вышла во 2-й этап плавания, хотя метеорологи предсказывали шторм в Тасмановом море.

Так и произошло. Горизонт закрыли черные тучи. Ветер достигал 12 баллов. Чичестер положился на судьбу и заснул в полностью задраенной каюте. Разбудил его резкий крен. Казалось, яхта опрокинулась. Вскоре она выровнялась. В каюте секстан, осколки бутылок, одежда, посуда, книги образовали почти метровый слой, и всё это было залито водой. С палубы смыло плавучий якорь и два свернутых паруса.

Прошло две недели, прежде чем «Джипси» обогнула Северный остров Новой Зеландии и вышла в Тихий океан курсом на юго-восток. Снова начались «ревущие сороковые». Суточные пробеги достигали до 200 миль. Были штормы и шквалы, но не такие жестокие, как в Тасмановом море.

Чичестер разнообразил трудовые будни: отмечал прохождение очередного меридиана, смену дат, годовщину своей свадьбы. Иногда судьба дарила ему умеренные ветры. Лавируя среди островов Диего-Рамирес, он приближался к опасному архипелагу Огненная Земля.

19 марта до мыса Горн оставалось 150 миль. Здесь самое штормовое место в мире. В прошлом только девяти подобным судам удавалось обогнуть мыс Горн, и шесть из них при этом переворачивались. Никто еще не огибал его в одиночку. Барометр предвещал шторм. Чичестер увеличил парусность, стараясь как можно скорей миновать зловещий участок. Любая ошибка грозила катастрофой. Рассвет 21 марта яхта встретила в 30 милях от оконечности южноамериканского материка.

Сила ветра нарастала. Чичестер спустил все паруса, кроме кливера. Несмотря на это, судно мчалось по увенчанным белыми гребнями волнам со скоростью 8 узлов. Около 11 часов всего в нескольких милях мореплаватель увидел мыс Горн: его мечта сбылась! Правда, радость омрачил приступ морской болезни. Вскоре начался шторм. Ночью волны набрали высоту, и яхтсмена обуревал страх. Вышел из строя лаг, измеряющий скорость, а это не позволяло точно ориентироваться. К счастью, Чичестер оказался утром на палубе в тот момент, когда было еще не поздно обогнуть тянущиеся вдоль правого борта скалистые берега острова Лос-Эстадос.

Пройдено 8000 миль. «Джипси» устремилась на просторы Южной Атлантики. И здесь нередко выпадали тяжелые дни с сильным встречным ветром. Тогда яхта едва продвигалась вперед, а то и отступала назад. Чтобы не «сражаться с океаном», Чичестер переждал, не тратя силы понапрасну.

11 апреля стало знаменательной датой: замкнулось кольцо «кругосветки»! «Джипси» оказалась там, где уже побывала 3 октября 1966 года. До Плимута 5000 миль. Всего-то!

А 24 апреля яхта вторично пересекла экватор, приблизившись к полосе пассатов. Наверстывая упущенное время, Чичестер развернул все паруса. Азорские острова «выплыли» на 100-й день 2-го этапа этого беспримерного одиночного плавания. До цели тысяча миль. Чичестер старался выжать из судна все возможное, совершая в северо-восточных пассатах суточные переходы по 18 8 миль и покрывая до 1215 миль в неделю. Это были рекорды для одиночного плавания.

Наконец, в последних числах мая он вошел в Ла-Манш. Пора было облачаться в фирменный зеленый сюртук. На берегу его ждал уникальный по масштабам прием, даже более громкий, чем встреча покорителей Эвереста. Еще в Сиднее Чичестеру сообщили о посвящении его в рыцари. На подходе к Плимуту его окружила флотилия мелких судов, четверть миллиона человек наблюдали с берега, как судно сэра Френсиса Чичестера входило в гавань, шли репортажи по радио и телевидению.

А Чичестер тяжелее всего переживал отсутствие... одиночества.

Самым важным его мотивом, считал знаменитый альпинист Крис Бонингтон, была неистовая страсть к состязанию, сочетавшаяся с любознательностью истинного искателя приключений, к тому же с ориентацией на использование техники.

В одиночку на Северный полюс

Даже среди отчаянных одиночек японец Наоми Уэмура выглядит экзотично. Он восходил на высочайшие вершины всех пяти континентов, сплавлялся на плоту по Амазонке и завершил жизнь на очередном маршруте. В 1977 году он решил в одиночку достичь Северного полюса.

Уэмура не был отличным спортсменом и опытным альпинистом. Его с юности, когда еще он учился в университете, изучая сельское хозяйство, увлекали одиночные походы. Он много ходил по горам. Приехав в Америку и немножко подзаработав, Уэмура в 1964 году отправился в Альпы. При одиночном восхождении на Монблан, пересекая ледник, он провалился в трещину. Его спас рюкзак, заклинившийся между стенками.

Он работал в лыжном патруле на одном из горных курортов. В 1965 году в Гималаях взошел на Чо Ойю-II (7646 м). Затем продолжал совершать экспедиции, преимущественно одиночные и со скудными средствами на Килиманджаро в Африке, Аконкагуа (высочайшую вершину Южной Америки, 6960 м), в Аляске на гору Сандфорд.

Наоми Уэмура – первый японец, ступивший на вершину Эвереста

В 1969 году его пригласили в состав японской экспедиции на Эверест. Они поднялись до 8300 м. На следующий год они двумя группами штурмовали Эверест. Наоми Уэмура стал первым японцем, ступившим на его вершину. Затем он отправился на Аляску и взошел на высшую точку Северной Америки – гору Мак-Кинли (6193 м).

У него появилась мечта: пересечь в одиночку Антарктиду. Для подготовки он предпринял в 1974–1976 годах путешествие от Гренландии через Северную Канаду до Аляски длиной 7500 миль. Он двигался зимой на собачьей упряжке, а летом оставался на месте.

После этого он решил штурмовать Северный полюс. Средствами его обеспечили крупное издательство и одна телевизионная компания Японии. Ему было обеспечено снабжение продуктами самолетами. Его снабдили передатчиком на случай несчастного случая. Тем не менее его предприятие было трудным и опасным. Во многих случаях никто не мог бы ему помочь. Например, упав в полынью, он вряд ли смог бы выбраться на лед.

На четвертый день пути он проснулся в палатке от яростного лая собак. Затем их лай стал отдаляться: они сумели отвязаться. Не успел Уэмура вылезти из спального мешка, как услышал тяжелую поступь. Это был белый медведь! А карабин не заряжен...

Уэмура затаился. Зверь вел себя активно. Он хозяйничал среди съестных припасов, привалился к боку палатки, лапой разодрал ее. Ему ничего не стоило разодрать спальный мешок и загрызть человека. Но он через некоторое время предпочел удалиться. После него немного из съестного осталось. Не было сомнений, что, проголодавшись, зверь вернется.

Собрав собак и крепко привязав их, Уэмура вызвал самолет, зарядил карабин и стал ожидать нового визита белого медведя. Собаки предупредили его о приближении зверя. Подпустив его поближе, Уэмура несколькими выстрелами уложил его.

В отличие от большинства полярников, которые ослабших или повредивших лапы собак пристреливали, а мясо давали остальным, Уэмура отправлял их самолетом обратно на родину. За время путешествия самолеты садились на льдины 5 раз.

Одна из собак стала рожать. Двух первых щенков разодрали и сожрали набросившиеся собаки. Уэмура отогнал их и забрал рожаницу к себе в палатку. Несмотря на его заботу, в живых осталось только трое, и с первой оказией он отправил их вместе с матерью в Японию.

Продвижение вперед затрудняли часто встречающиеся нагромождения торосов, через которые приходилось порой прорубаться. Чтобы преодолеть трещины, он укладывал нарты в виде мостика. Опасность свалиться в воду была велика. Порой льдины сталкивались и крошились. Надо было спешно перебираться на более надежные льды. Много времени уходило на то, чтобы объехать крупные полыньи. Уже на подходе к полюсу перед ним оказалось поле слабого льда, который прогибался под тяжестью груженных нарт.

29 апреля он завершил свой переход на Северном полюсе. Через сутки прибыл самолет с журналистами и кинооператорами. Реклама прежде всего!

На следующий год Уэмура совершил не менее сложный, трудный и опасный одиночный переход с севера на юг (1400 миль!) через ледниковый покров Гренландии. Оставалось только отправиться на пересечение в одиночку Антарктиды. Но прежде он отправился в феврале 1984 года на Аляску и штурмовал высочайшую вершину Североамериканского континента (6193 м). Никто еще в одиночку не восходил на нее зимой.

Наоми Уэмура погиб при спуске с горы, застигнутый метелью, продолжавшейся несколько дней. Тело его не нашли. Ему было 43 года.

Глава 3. Жажда острых ощущений

С этим ничего не поделаешь: есть люди, которым нравятся экспедиции, цель которых – острые ощущения. Понять их можно: если ты постоянно обитаешь в городе, проводишь время в конторе (обычно этот контингент дает наибольшее количество любителей приключений), то хочется время от времени или один раз в жизни испытать нечто особенное, как нынче говорят, с выбросом адреналина.

Вот и пускаются они в опасные туристические маршруты высокой трудности, занимаются альпинизмом, проникают в пещеры и блуждают в глубинах горных массивов или спускаются в пропасти только ради того, чтобы «испытать себя», почувствовать самоудовлетворение.

Признаться, долгие годы такие люди вызывали у меня недоумение. Почему бы им не получить профессию геолога или географа и трудиться, принося пользу людям? Тогда почти в каждой экспедиции из года в год будут тебе не только приключения обыденные, но и не менее увлекательные, связанные с познанием земной природы.

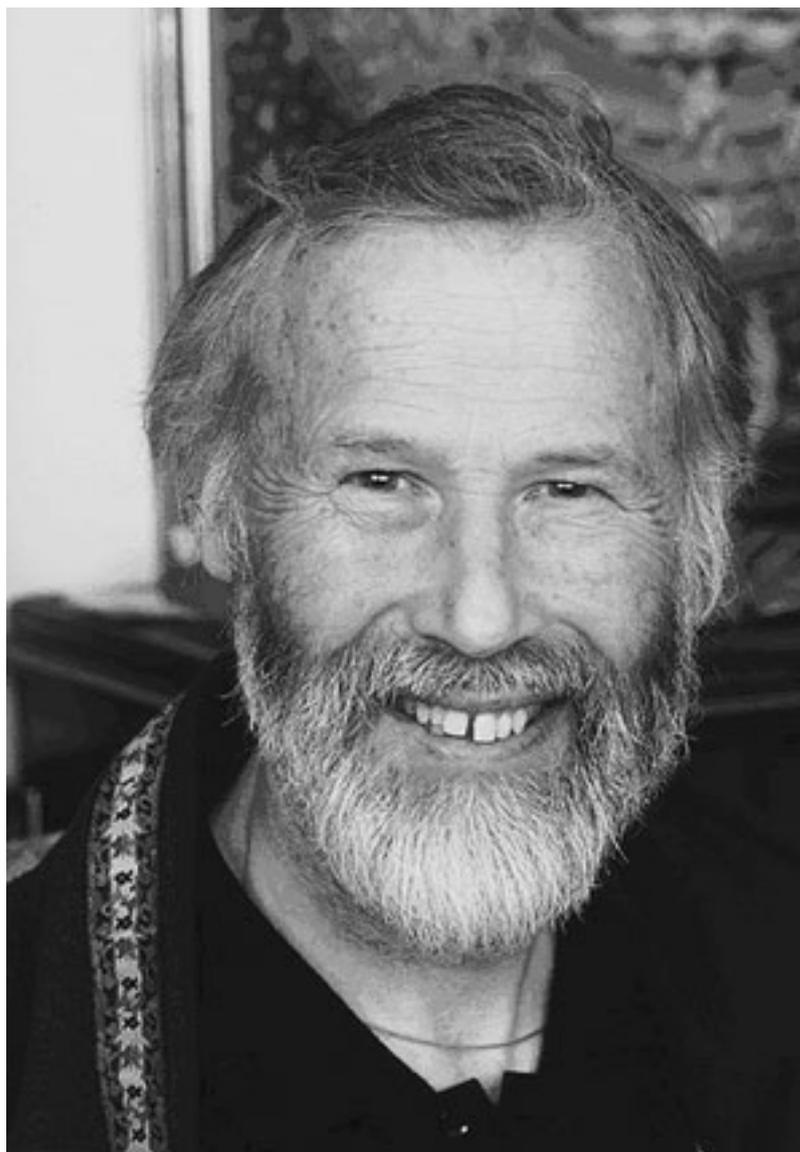
Но потом я пришел к выводу: не всем же быть геологами и географами. Да и не каждому нравится постоянный нелегкий труд. Далеко не всех увлекает познание природы.

Два сплава по Голубому Нилу

Английский альпинист и писатель Крис Бонингтон в 1968 году примкнул к экспедиции, целью которой был сплав по Голубому Нилу. Как это ни странно, на то время никому еще не удавалось осуществить такое мероприятие.

Первую попытку предпринял в 1903 году американский миллионер В. Макмиллан. У моста в городе Шафартак под его руководством были спущены на воду три специально сконструированные стальные лодки. Все они потерпели крушение и утонули на первом же пороге. Затем последовал перерыв почти на 6 десятилетий. В 1962 году с того же места стартовала группа швейцарцев на каяках. Они преодолели несколько порогов, но их ждала еще более страшная опасность: бандиты. В результате нападения двое швейцарцев были убиты, другие спаслись бегством.

Швед Арне Робин на каяке в одиночку отправился с того же моста в опасное плавание. Из предосторожности он не разводил костров, а делал привалы только с наступлением темноты. На него нападали крокодилы. И все-таки ему удалось пройти до соединения Голубого и Белого Нила. Через два года он рискнул отправиться в маршрут с верховьев реки в двухместном каяке со своим другом. Через 15 миль в водовороте на очередном пороге они перевернулись и, к счастью, спаслись. Река оставалась «непокоренной».

Английский альпинист и писатель Крис Бонингтон

«Голубой Нил начинает свой бег обманчиво спокойно, – пишет Бонингтон. – Когда он покидает обширное озеро Тана, его бурные маслянистые воды струятся в низких берегах между колышущимися плюмажами папирусов. Всего несколько миль вниз по течению – и вот грохот, доносящийся из-за поворота, извещает о первом пороге. Река становится уже, падает на несколько метров, и неожиданно ее гладкие воды превращаются в хаос. Следующие 470 миль до суданской границы река прокладывает путь в глубокой долине, которая гигантским полукругом раздвигает горы Эфиопии. Пороги перемежаются со спокойными водами, каждый участок которых населен собственным семейством крокодилов. Но, пожалуй, опасней этих рептилий могут быть люди: каждый мужчина здесь носит ружье или копье, и несколько экспедиций, спускавшихся по Голубому Нилу, подверглись их нападению».

Итак, наиболее основательно подготовленная английская экспедиция в 1968 году отправилась «покорять» Голубой Нил. Возглавлял ее капитан Джон Блашфорд-Снелл. «Практически это была армейская экспедиция», – отметил Бонингтон, который был ее участником как фоторепортер и корреспондент газеты «Дейли телеграф». Всего было задейство-

вано 56 человек, одномоторный самолет, армейский внедорожник, радиопередатчик для связи со штабом в Англии, 3 надувные резиновые лодки с веслами для спуска в верховьях Нила. Кроме того, от моста в Шафартаке отправлялись 4 больших плоскодонных десантных лодки с подвесными моторами. На этом этапе предполагались научные исследования зоологов и археологов.

Крис Бонингтон рискнул пройти самый опасный маршрут – в верховьях реки, начиная от озера Тана. Командовал капитан Роджер Чэпмен. На этом этапе почти все участники были военными. Их было по трое в трех лодках, названных «Вера», «Надежда» и «Милосердие». Если два первых названия относились к людям, то третье, по-видимому, было обращением к реке. Она на него не реагировала. На первой же полосе порога они пережили смертельно опасное приключение. Бонингтон вспоминал:

«Когда стена из пенящейся воды обступила лодки, нависая над нами, а лодки запрыгали по волнам, у нас не нашлось времени на то, чтобы поддаться панике. Мы просто испытывали сильное возбуждение. Скоростной спуск на лыжах, серфинг и быстрая езда на автомобиле слились здесь в одно целое – это была езда по лавине вспененной воды... Лодка Роджера Чэпмена, которая лидировала, перевернулась... Мы мало что могли сделать на порогах, наши усилия на веслах были настолько ничтожны по сравнению с напором воды, что проскочить их было делом простого везения».

На следующий день пришлось буквально продирается в сырой чаще через архипелаг островов, покрытых буйной растительностью. Только к полудню достигли чистой протоки. После отмелей снова начались пороги. Рекогносцировку провести не удалось: заболоченные берега поросли непроходимым кустарником. Пришлось уповать на удачу. Но повезло не всем.

На одном из порогов потерпела крушение «Надежда». Одного из ее команды затянул водоворот. Спасаться удалось благодаря спасательному жилету с автоматической системой поддува. На следующей полосе порогов решили не рисковать и провести лодки на веревочных буксирах с берега. Это потребовало так много времени, что пришлось вновь сплавиться по реке. На очередном пороге лодка Чэпмена быстро исчезла из вида, словно покатила с обрыва. После долгого, как показалось, ожидания взвилась вверх ракета: сигнал Чэпмена для старта другой лодки.

Третьей группе, в которой находился Бонингтон, не повезло. Лодку подхватил водоворот, завертел и бросил на камень. Все оказались в воде. Бонингтон, вынырнув, увидел днище своей перевернутой лодки и почувствовал, что поток тянет его на дно. Он выдернул чеку баллона со сжатым воздухом, и спасательный жилет вытянул его на поверхность. Вокруг клокотала и пенилась вода, накрывая его с головой. Он понял, что сейчас захлебнется и утонет. Но тут его выбросило на камни за порогом.

Его товарищ Ян Маклеод смог уцепиться за лодку, промчался через буруны, уцепился за куст и выбрался на берег. Течение потащило, колотя по камням, третьего – Криса Эдвардса – к очередной полосе порогов. Он был буквально на краю гибели. Один из членов группы успел спуститься в воду на веревке и смог его подхватить.

Теперь всем стало ясно, что риск слишком велик. Бонингтон и еще один участник команды «Вспененной воды» (так ее называли) отказались плыть дальше. Эдварде из-за травм не мог продолжать сплав.

Пороги Тиссиат оказались такими грозными, с мощными водопадами, что лодки пришлось перетаскивать по мелководью у берега, а то и волоком. Затем на веслах прошли 12 миль. Дальше начиналось ущелье с отвесными стенами, в которое врывалась вся масса воды Голубого Нила. Чэпмен не стал рисковать, решив сплавить лодки без людей, чтобы их подобрала ниже по течению у моста другая группа. Экипаж лодок направился вдоль берега реки. И тут, казалось бы, на самом безопасном участке, произошла трагедия.

Им пришлось переходить приток Голубого Нила – узкую, но бурную и глубокую речку Абайа. Ян Маклеод вошел в воду, перевязанный на поясе страховочной веревкой. Поток сбил его и потащил с собой. Его удерживали на веревке, но тогда перед ним возник бурун и Ян захлебывался. Веревку стравливали, пытались его вытянуть на берег, но все было безрезультатно. Чэпмен бросился в воду, схватил Яна, но не смог удержать, и несчастного затянуло под воду. Тело его так и не смогли найти.

Вскоре начался второй этап сплава по реке, течение которой было быстрым, но без крутых порогов. «Мы не испытывали больше возбуждения, – вспоминал Бонингтон, – нас преследовало гнетущее ощущение страха. Когда мы уворачивались от камней или обходили буруны, наши нервы и внимание были на пределе».

Привал сделали на поросшем деревьями берегу речной протоки. Обратили внимание на две пещеры в отвесном утесе. Обследовав их, обнаружили осколки глиняной посуды. А когда наступила пора насладиться кофе, появился откуда-то Джон Блашфорд-Снелл с криком:

– Торопитесь, надо немедленно убираться отсюда!

Но было уже поздно. Со скалы раздались пронзительные крики, и грянул ружейный залп. Джон, схватив мегафон, прокричал местное приветствие. Ответом ему были выстрелы. Что предпринять? Решили не открывать ответного огня, вызвать по радио подмогу и попытаться вести переговоры.

Когда на стол совещания с грохотом упал увесистый камень, Джон спокойно сказал:

– Джентльмены, пора принимать решение. Когда я крикну «пошли!», бегите к лодкам.

Подбежав к лодкам, стали толкать их по мелководью. Сверху падали в воду камни, шлепались пули. Когда они выплыли на стрежень, Бонингтон упал в лодку: ему в спину попал камень. Джон стал стрелять из револьвера, и нападавшие притихли. К счастью, никто из членов экспедиции не был ранен, лодки были целы.

Следующий ночлег устроили на острове. В сумерках какой-то подросток переплыл реку и немного поговорил с ними. Нетрудно было догадаться, что его послали на разведку. Ночью дежурный Чэпмен высветил лучом фонарика голову человека, плывшего в сторону острова. На другом берегу толпились люди с копьями и ружьями. Чэпмен крикнул им. Ответом был выстрел и грозные вопли.

Началась ночная перестрелка. Джон Блашфорд-Снелл выпускал в сторону нападавших сигнальные ракеты. Вскоре нападавшие затихли. Путешественники собрали вещи, погрузили их в лодки и стали дожидаться рассвета. С берега слышался звук рожка. Можно было ожидать новой атаки. Пришлось отчаливать в темноте, ибо боеприпасы были на исходе.

Течение подхватило лодки. Через некоторое время слышался впереди рев порога. Пристать к берегу не удалось. Одна лодка взлетела на бурун и перевалила через порог. Другая уперлась в камень и встала на дыбы. Находившейся в ней Чэпмин уперся ногами в борт и удержался, но двое других оказались в воде. В темноте их нельзя было бы отыскать. К счастью, они вынырнули рядом с лодкой, и Чэпмен помог им забраться в нее.

В одной лодке был поврежден воздушный клапан, и она начала тонуть. В другой был поврежден подвесной мотор. Пришлось дрейфовать. Экспедиция завершилась 25 сентября у моста, как было предусмотрено планом. Впервые было полностью нанесено на карту верховье Голубого Нила. За исключением двух особо опасных порогов, остальной путь был пройден по реке.

Вторая экспедиция на Голубой Нил прошла в 1972 году. К тому времени в Англии стал популярным экстремальный вид то ли туризма, то ли спорта: сплав на байдарках или каяках по бурным рекам. На этот раз ее организатором стал молодой байдарочник Майк Джонс. В свои 20 лет он успел совершить несколько труднейших маршрутов, преодолевая пороги на реках Йоркшире, в Австрии, на Большом Каньоне в США.

Несмотря на учебу в медицинской школе Бирмингемского университета, он за полгода организовал группу из пяти опытных байдарочников, готовых отправиться на Голубой Нил. Огромные трудности пришлось преодолевать, еще не начав маршрут. Перебросить груз, в частности, байдарки и оружие, из Англии в Эфиопию оказалось предприятием чрезвычайно трудным. На этот раз военное ведомство отказалось содействовать смельчакам (судя по всему, первая экспедиция, которую они щедро субсидировали и поддерживали, имела помимо всего прочего разведочные цели).

Им помогли некоторые организации, в частности фонд Уинстона Черчилля. Однако нестабильная политическая ситуация в Эфиопии делала экспедицию особенно опасной. Трое ее участников «вышли из игры» и пришлось искать им замену. 24 июля Майк с автоматом, двумя револьверами, четырьмя каяками и прочим снаряжением вылетел из лондонского аэропорта Хитроу на самолете египетской авиакомпании, согласившейся перевезти его груз как обычный багаж...

В дальнейшем ему и его друзьям в течение полутора месяцев пришлось испытать немало трудностей и неприятностей, прежде чем они спустили свои каяки в озеро Тана у истока Голубого Нила. Один из них на «Лендровере» должен был встречать их у первого порога. В отличие от участников первой экспедиции, они все четверо уверенно прошли эти пороги. Но дальше начались протоки и густые заросли, не позволявшие заранее осматривать с берега опасные участки.

Теперь первыми шли опытные Майк и Мик, а менее уверенные в себе Дейв и Глен двигались следом. За поворотом реки они неожиданно оказались на краю порога. Трое благополучно его преодолели, но Глена затянуло в мощный водоворот и он с каяком скрылся в воде. Вскоре ниже водоворота всплыло весло, затем выскочила вертикально изрядно помятая лодка. Глена не было. Казалось, прошло несколько минут и он уже утонул. И все-таки он вынырнул почти в нескольких десятках метров ниже по течению.

Несмотря на этот случай, Глен продолжил плавание, хотя он был наименее подготовленным к этому, не раз переворачивался и добирался до берега вплавь.

Не доходя порогов Тиссиат, они причалили к берегу и пробились сквозь заросли к дороге, где их подобрал Стив на «Лендровере» и доставил в отель. Дейв отказался продолжать маршрут: до сих пор у них были не груженные лодки, а ниже порогов придется взять с собой оружие, радиоаппаратуру, спальные мешки и продовольствие на несколько дней. С ним согласился Глен.

В конце концов было решено, что на самом опасном участке пути сплав проведут Майк и Мик, а остальные двинутся по суше.

«Было уже 6 сентября, – писал Бонингтон. – Майк Джонс и Мик Хопкинсон вернулись на реку, прихватив только спальные мешки, радио, кинокамеры, по пистолету на брата и немного продовольствия: кекс, овсяную муку и желе. Оба признались мне, что испытывали страх, но были полны решимости пройти реку. Несмотря на то что каяки стали легче, они по-прежнему плохо управлялись.

Свирепые пороги перемежались с участками бурой бурлящей воды – река подавляла воображение своей мощью. Возделанные поля на берегу перемежались с пятнами леса и кустарника. Через двенадцать миль путешественники достигли того места, где весь объем воды, несомой Голубым Нилом, пропускается через скалистый проход шириной в каких-то полтора метра, ведущий в котлообразный кипящий провал. Именно здесь наша экспедиция вытаскила свои резиновые лодки из воды. Джонс и Хопкинсон сделали то же самое, но заплатили людям, работавшим в поле, чтобы те перенесли каяки на небольшое расстояние в обход препятствия.

Они вернулись на реку в начале длинного узкого ущелья с отвесными стенами высотой метров тридцать, куда мы не рискнули сунуться в 1968 году. Это были самые опасные

воды, какие Джонс и Хопкинсон когда-либо видели... В этом месте стремительные воды источили черные скалы вулканического происхождения, и стены ущелья буквально нависают над головой. Там нет ни одного уголка, где можно передохнуть. Приходится лететь только вперед, петля замысловатую нить пути через пороги, пытаясь с ходу разобраться в лабиринте пенящихся волн и падающей воды, врезаюсь в огромные стоячие валы, обходя пенные котлы... Мик Хопкинсон признался, что никогда не испытывал такого страха».

Наступали сумерки. К счастью, справа они увидели что-то подобное бухточке. Пристав к берегу, вытащили каяки, взвалили себе на плечи и стали карабкаться вверх по склону. Начался дождь. Устроились в зарослях. Не разводили костер, чтобы не привлечь внимания грабителей. Спальные мешки промокли. Устроили с мрачным юмором праздничный ужин (Майку в этот день исполнился 21 год): бисквиты и желе. Спали плохо от холода и страха: внизу бурлила река, и казалось, что это переговариваются бандиты. В одно из пробуждений Майк заметил, что держит палец на спусковом крючке пистолета, нацеленного в голову Мика.

На рассвете решили не искушать судьбу в мрачном ущелье, а обойти его по берегу. Целую милю тащили каяки, продираясь сквозь заросли, пересекая протоки. Стены ущелья стали ниже. Спустились на воду. Усталость давала о себе знать. Гребли, чтобы не врезаться в скалы. Очередной порог оказался небольшим водопадом. Они поочередно летели вниз, до упора откинувшись назад. Полностью ушли под воду. Не достигнув дна и не врезавшись в камни, вынырнули и попали на второй порог. Джонса закружил мощный водоворот. Потребовались отчаянные усилия, чтобы вырваться из него.

У моста, где была назначена встреча с «группой поддержки» на внедорожнике, никого не оказалось. Денег у них не было, оружие они спрятали, вид у них был измученный. Для грабителей они не представляли интереса. У местных жителей они обменяли одежду на картофель. Только на вторые сутки к ним пришли два товарища с девятью носильщиками. Автомашину потребовала ремонта, и им пришлось идти несколько десятков миль по пересеченной местности.

Все выбились из сил. Однако отдыхать было опасно. Толпа местных жителей возрас- тала, многие из них были вооружены. Им все труднее было побороть соблазн воспользо- ваться вещами, провизией, а возможно и деньгами пришельцев. В этих краях царили бед- ность и бесправие.

Не теряя времени, путешественники спустили лодки на воду и отправились вчетвером вниз по реке, которая стала шире и спокойнее. Они делали небольшой привал днем, ели горячую пищу, пили чай. В сумерках устраивались на ночлег в какой-нибудь укромной бух- точке, не разводя костра. С рассветом отправлялись в путь. Так за четверо суток они добра- лись до моста Шафартак. За все время их обстреляли с берега один раз.

Правда, произошла одна пренеприятная (для Дейва) встреча. Он двигался впереди основной группы и вдруг заметил, что сзади его лодку догоняет крокодил! Он прибавил ходу, а когда стал уставать и обернулся, увидел, что крупная рептилия тут как тут. Дейв испугался не на шутку и повернул к берегу. Он был пристегнут к байдарке «юбкой», предохраняющей от попадания внутрь ее воды. Страх придал ему силы и сноровки. Он успел достичь берега, сорвать «юбку», выскочить на отмель, с быстротой и ловкостью кошки вскарабкаться на четырехметровый обрыв и замерять, вцепившись в куст.

Оказалось, что крокодила интересовал вовсе не Дейв. Его байдарка плыла по течению, а крокодил следовал за ней. Стив, вооруженный пистолетом, догнал его и сделал несколько выстрелов в излишне любознательную рептилию. Крокодил скрылся, байдарка была спа- сена.

С этого момента приходилось быть начеку. В затонах было много крокодилов, которые проявляли интерес то ли к лодкам, то ли к сидящим в них людям. Приходилось отгонять их выстрелами из пистолета или автомата, а также припасенными на этот счет камнями.

У моста они через сутки дождались появления «Лендроверов» с Гленом и корреспондентом агентства Рейтер. За это время у них начались разногласия. Майк считал, что надо продолжить маршрут, как было намечено, до устья Голубого Нила. Его уставшие товарищи стали приводить доводы против, ссылаясь на крокодилов и разбойников, а также нехватку патронов. После ночного отдыха настроение у всех улучшилось, но теперь уже Майк Джонс твердо сказал, что, когда нет единодушия, идти дальше нет смысла.

Так завершилось второе опасное приключение на Голубом Ниле. Майк вскоре организовал спуск на каяках по горной реке Дудх-Коси, в районе Эвереста. В его группу вошел и Мик Хопкинсон. На одном из порогов Мик упал из байдарки, а Майк спас ему жизнь. Затем Джонс прошел по реке Ориноко в Южной Америке. В 1978 году он погиб, спасая товарища на бурной реке Бралду в Пакистане.

Спуск в пропасть

Известный французский исследователь пещер Норбер Кастере свою книгу «Тридцать лет под землей» (М., 1964) посвятил, в частности, «всей спелеологической группе Пьер-Сен-Мартена, победившей самую глубокую пропасть на земле».

Нетрудно понять чувства человека, отважно спускавшегося в мрачные подземные провалы и назвавшего это «победами». Но что означает победа над природными глубинами или высотами? Достижение? Да. Победа? Да, но только над своими страхами, опасностями, техническими и физическими трудностями.

И еще одно замечание. Глубочайшей пещерой нашей планеты сравнительно недавно считалась Жан-Бернар (1410 м); она глубже, чем Пьер-Сен-Мартен. А в 2009 году на Западном Кавказе (Абхазия) пещера Крубера-Воронья оказалась глубиной 2191 м. Возможно, и это – не предел. Тем не менее экспедиция в провал Пьер-Сен-Мартен остается одной из наиболее значительных в спелеологии.

Эту пропасть случайно открыл на перевале Пьер-Сен-Мартен в 1950 году Жорж Лепине из группы спелеологов под руководством бельгийского профессора Макса Козинса (до этого поднимавшегося в стратосферу с Огюстом Пикаром). Назвали ее по имени перевала и лотом измерили глубину. Оказалось – 346 метров. Рекордная на то время величина!

Экспедиция в пропасть началась в 1951 году. Руководил Козине. У Кастере в это время сын Рауль сломал при спуске в один из провалов ногу, а у дочери во время обследования пещеры случился острый приступ аппендицита (все члены его семьи были спелеологами).

Первым спустился в Пьер-Сен-Мартен Жорж Лепине. Он обнаружил огромный зал с горами камней на полу. Марсель Лубан и Гарун Тазиев, пробравшись в узкую лазейку между шатких камней, спустились по лестнице во второй, еще более крупный зал. Он также шел наклонно, а в глубине его бурлил поток воды. На этом обследование пришлось прекратить из-за ненадежной лебедки.

Норбер Кастере с супругой

Трудности изучения пещеры начинались уже с процесса спуска. Приходилось опасаться камнепада; почти вся вторая половина пути шла под потоками воды. Неприятное ощущение возникало уже от того, что под тобой черная бездна, в особенности когда происходят остановки по каким-то причинам. Находиться долго под землей было тяжело из-за сырого холодного воздуха, всего на 4 градуса выше нуля.

На следующий год на перевал доставили тяжелую лебедку с электромотором и продолжили изучение провала. Первой 9 августа спустилась группа во главе с Лубаном. Через 5 дней он передал наверх по телефону: «Пропасть продолжается до фантастических пределов. Вам будет чем заняться. Я со своей стороны уже наизумлялся вдоволь, а сейчас вышел из строя – нужно подниматься. До скорого свидания».

Начался подъем. Минута за минутой. И друг – короткий крик Лубана. Он упал на груды камней и разбился. Марсель Лубан умер, не приходя в сознание. Его жизнь оборвалась из-за отвинтившейся гайки, державшей зажим троса.

Победным стал 1953 год. На этот раз группа была хорошо подготовлена технически. И с 7 по 19 августа подземные маршруты завершились у самого дна пещеры. Трудности заключались в том, что проводилась теодолитная съемка, делались схемы и замеры, отбира-

лись образцы горных пород, а в подземный поток надо было бросить 40 кг красящего вещества, чтобы на склоне горы обнаружить место выхода воды на поверхность.

Трудно было продвигаться по залам и проходам пещеры, направленным под уклон, из-за нагромождения скал и камней. В конце второго огромного зала поток падал с высоты 4–5 м. Кастере спустился вниз. Шедший за ним спортсмен и доктор экспедиции Мерей, оступившись, рухнул к его ногам и остался лежать. Кастере с ужасом увидел, что лицо его залито кровью. Что делать? Вытащить его без посторонней помощи было невозможно...

К счастью, Мерей вскоре пришел в себя, хотя и оставался не в лучшей форме. У него только была рассечена бровь. Когда они вернулись к палаткам и двум товарищам, оставшимся в первом зале, никто не решался наложить скобки на рассечение, откуда продолжала течь кровь. Мерей вынужден был сделать себе эту операцию. Он чувствовал себя достаточно хорошо для того, чтобы продолжить изучение пещеры.

На следующий день (хотя стоял постоянный мрак) их группа продолжила обследование, спускаясь все ниже и ниже. Порой приходилось преодолевать крутые уступы и высокие обрывы.

Самый крупный зал – 200 м в длину, 120 в ширину, 100 – в высоту. В нем могли поместиться два собора Парижской Богоматери. Нагромождения глыб, лежащих на дне, достигали высоты 30–40 м. На них были видны следы удара падающих с большой высоты камней.

Прошли с большим трудом около 1600 м и углубились еще на полкилометра. Члены группы Кастере старались двигаться как можно быстрее, не желали останавливаться на достигнутом. Они мечтали, несмотря на усталость, добраться до конца пещеры. И все-таки он уговорил их вернуться, чтобы предоставить это право следующей группе, которую возглавлял обнаруживший провал Жорж Лепине.

Поднявшись на поверхность, Кастере после отдыха дежурил у лебедки, когда ему сообщили, что караван мулов с провизией и дополнительным оборудованием движется к ним. У Кастере была телефонная связь и с подземельем, и с лагерем у подошвы горы. Он взял трубку и спросил:

- Алло! Мулов заметили?
- Каких мулов? Мы не ждем никаких мулов, – был ответ.
- Ну, те мулы, которые вышли из деревни. Вы их видите?
- Не видим никаких мулов и очень бы удивились, появись они здесь.
- Вы что, с ума сошли?! Кто у телефона?
- Лепине.

Оказывается, Кастере по ошибке взял не ту трубку и убеждал находившегося в пропасти Лепине ожидать прибытия мулов.

...Под землей группа Лепине продолжала двигаться все ниже, проводя теодолитную съемку и отмечая глубину погружения альтиметром. Они миновали четыре грандиозных зала. Возвращаясь в лагерь, два спелеолога заблудились и долго не могли найти дорогу. У одного из них произошел нервный срыв, и его пришлось срочно поднимать наверх.

На поверхности Кастере и его товарищи участвовали в траурной мессе по погибшему ровно год назад Лубану. А на следующий день, 15 августа, долго молчавший Лепине взволнованно сообщил по телефону, что пройдя 2600 метров, они достигли дна пропасти. Ее глубина оказалась 656 метров. Все ощущали одновременно и радость достижения цели и разочарование. Ведь на то время рекордная пропасть в мире была всего на 2 метра глубже!

Пришлось спускаться и проводить новые измерения, отыскав самое глубокое место в конце пещеры. На этот раз получилась глубина 730 м. Рекордное погружение!

...Спуски в самые глубокие провалы, путешествия под землей в лабиринтах и залах пещер – увлекательные и опасные приключения. Но, кроме того, часто это еще и научные исследования. В пещерах Западной Европы были открыты великолепные «художественные

галереи» людей каменного века. Некоторые из пещер сами представляют собой прекрасные архитектурные сооружения природы.

Между прочим, выход окрашенных вод подземного потока Пьер-Сен-Мартен был обнаружен в 7 км от пропасти и 1,2 км ниже в долине реки Сент-Энграс. А это давало возможность, пробив туннель, построить гидроэлектростанцию. Короче говоря, спелеология – не только занятие для искателей приключений.

«Рукопожатие мертвеца»

Так называется соединение двух подводных пещер, расположенных в карстовом районе холмистого массива Грагарет на территории графств Кембрий, Ланкашир и Йоркшир (Англия). Система естественных подземных ходов здесь разветвлена и, возможно, связана воедино. Предполагалось, в частности, что пещеры Кингсдейл Мастер и Келд Хед соединены.

Как отметил известный альпинист Крис Бонингтон, спуск в подводные пещеры – «высший пилотаж» в спортивной спелеологии. Пловцу приходится преодолевать разветвленные коридоры, протискиваться в узкие проходы, рискуя застрять или оборвать шланг. Проникая в глубины затопленных водой полостей, он постоянно находится в экстремальной ситуации.

У пещеры Келд Хед была не слишком хорошая репутация. Где-то в ее лабиринтах погиб молодой спелеолог-аквалангист. Тело его обнаружили и доставили на поверхность через 4 года Джеф Йидон и Оливер Статам, когда начали свои погружения с целью обнаружить проход в пещеру Кингсдейл, находящейся в 1 миле от этого места.

Прежде всего требовалось найти наиболее длинный проход, который мог продолжаться и дальше. Им удалось пройти на 300 м, оставляя страховочную веревку для ориентира, иначе можно было легко заблудиться, тем более что временами муть, поднятая со дна, уменьшала видимость до нескольких сантиметров.

«Мы жили как рыбы, – вспоминал Джеф, – отдыхали на дне, объясняясь друг с другом при помощи надписей на грифельных досках, мы даже пили там воду, потому что после одного-двух часов плавания горло пересыхает из-за сухости вдыхаемого воздуха. Для этого мы просто вынимали изо рта загубник и пили».

Постепенно они прокладывали маршрут все дальше: 459–600– 690 метров. Несколько дней уходило на подготовку очередного погружения, проверку снаряжения и т. д. Через некоторое время они разделились, начав исследования с двух сторон.

В одной из пещер Йоркшира

Джеф шел со стороны Кингсдейл. Он добрался до места, откуда шли сразу пять ходов. Выбрал тот, который вел вниз, где ощущалось течение подземно-подводного потока. Сначала ход расширялся, но затем стал таким узким, что было трудно протиснуться в него.

Работать в одиночку было страшновато. После шести погружений, так и не обнаружив прохода, он едва не погиб во время возвращения.

Джеф плыл быстро, а потому дышал тяжело. Вдруг, делая вдох, набрал в рот вместо воздуха воду и едва не захлебнулся! Что случилось?

Вокруг витала муть. Приходилось действовать в перчатках и на ощупь, как можно быстрее. Оказывается, у него остался во рту только загубник, а шланг исчез.

Стал нащупывать запасной. Легкие готовы были разорваться от напряжения. Начались спазмы дыхательных мышц и подергивание пальцев. Счет шел на секунды. Наконец, обнаружил шланг, вставил в загубник и нажал на кнопку клапана...

Чтобы отдышаться и прийти в себя, он несколько минут лежал на дне прохода, где мог остаться надолго...

В 1977 году он со стороны Келд Хеда прошел 920 метров, установив рекорд для британских аквалангистов-спелеологов. Судя по всему, они уже подошли к месту соединения пещерных систем, но находились на разных уровнях. Они работали теперь на пределе вместимости баллонов с воздухом.

К ним присоединился опытный ныряльщик из ФРГ Йохен Хазенмайер. У него были баллоны большой вместимости. Он шел первым. За ним с интервалами 45 минут должны были погружаться Оливер, затем Джеф.

Хазенмайер добрался до конца страховочной веревки и двинулся во тьму вдоль пола пещеры. Видимость была плохой. Он нащупал щель шириной 45 см. С трудом протиснулся в нее. Дальше проход расширился, хотя потолок стал ниже.

Когда страховочная веревка кончилась, он закрепил ее и повернул обратно. Однако плохо закрепленная страховка сместилась в ту сторону, где двигаться было труднее. Он потерял ориентацию. Из-за взбаламученного ила ничего не было видно. А до выхода из пещеры было более 900 метров.

Через 45 минут после Йохена нырнул Оливер Статам. Один баллон был у него за спиной, два по бокам. Он следовал вдоль веревки до сужения прохода, но дальше протиснуться не смог из-за своих габаритов. Израсходовав треть воздуха, повернул назад.

Они встретились с Джефом, который отправился через 45 минут после него. Оливер написал на доске Джефа: «900 метров... Йохена не видно. Беда?!!»

Джеф добрался вдоль страховки до сужения прохода. Он был также, как Оливер, обвешен баллонами и не рискнул протискиваться в щель.

У Йохена запасы воздуха уже должны были подойти к критическому рубежу (треть содержимого баллонов). Джеф решил ждать его. Вскоре и ему следовало возвращаться.

Вдруг страховочная веревка в его руке дрогнула. Значит, Йохен где-то рядом! Джеф с большим трудом все-таки смог протиснуться в узкий проход и увидел тусклое сияние фонаря в полутора метрах от себя. Однако между ними была узкая щель, шириной в ладонь.

Йохен не замечал товарища, отыскивая проход в другом месте. Он повернулся, и огонек его фонарика пропал. Джеф попытался дать «задний ход», но почувствовал, что застрял. Он извивался всем телом. Уняв волнение, сумел освободиться. Манометры показывали, что он расходует вторую треть воздуха. Но ведь Йохен где-то рядом!

Он находился на глубине 18 метров, активно двигался и нервничал. Расход воздуха был втрое выше нормального. Пора возвращаться. Но ведь Йохен рядом и нуждается в помощи!

Джеф снова протиснулся в щель. Вот огонек Йохена. Теперь оба аквалангиста были рядом и видели друг друга. Но проход между ними слишком узок. Они смогли только протянуть друг другу руки.

«Я почувствовал, как дрожат его пальцы и вся рука, когда он схватил меня за руку, – вспоминал Джеф, – и невольно подумал, что мне делать, если он так и не отпустит ее. Я постарался умирить дрожь в собственной руке, чтобы показать товарищу, что у меня все в порядке и я нахожусь в хорошем месте. Я хотел, чтобы Йохен повернул назад и сделал дружную попытку найти правильный путь, но у меня не было средств для того, чтобы сообщить ему это. Он все сжимал и сжимал мою руку, и я отвечал тем же, чтобы вселить в него уве-

ренность. Затем он похлопал меня по руке и отошел задним ходом... В тот миг я был уверен, что пожимаю руку мертвецу».

У Джефа оставалось все меньше воздуха на обратный путь, но он решил задержаться еще некоторое время. Йохен из последних сил стал продираться сквозь щель. Наконец, это ему удалось.

Джеф отплыл в сторону и к потолку из предосторожности. Он слышал рассказы о том, как аквалангисты, использовав свой запас воздуха, нападали на своих товарищей, чтобы вырвать у них спасительный баллон.

Но Йохен, не теряя самообладания, направился к выходу из пещеры. Единственно, что позже сказал он о происшедшем: «Это было кошмаром». И стал обдумывать технику безопасного продвижения под водой. Предложил оставлять через двести и четыреста метров от входа запасные баллоны для возвращения.

16 апреля 1977 года Джеф прошел щель «Рукопожатие мертвеца» и продвинулся на 1036 метров, поставив новый европейский рекорд. Однако проход в пещеру Кингсдейл Мастер так и не нашел.

В июне следующего года он начал поиски из нее. Встретил проход, не замеченный прежде. В нем оказалась черная дыра, ведущая в бездну. Можно было рискнуть. Он погрузился до глубины 19 метров. Дальше по проходу прошел 60 метров, но вынужден был вернуться, израсходовав треть воздуха.

Добившись финансовой помощи от Королевского географического общества, они приобрели крупные баллоны и в июле совершили погружение теперь уже со стороны Келд Хеда. Установили очередность: Оливер – Джеф – Йохен. Первому не удалось найти катушку, оставленную Джефом со стороны Кингсдейла. Второй – Джеф – оказался удачливым: он увидел красную страховочную нить, ведущую в соседнюю пещеру.

Теперь осталось только проделать весь траверс от Келд Хеда до Кингсдейла. Это им удалось 16 января 1979 года. Они втроем прошли за два с половиной часа путь в 1830 м. Это был мировой рекорд. А в сентябре того же года произошла трагедия: Оливер Статам покончил жизнь самоубийством. Какими бы ни были конкретные причины, безусловно, сказались нервные стрессы, которые он испытал во время подземно-подводных погружений.

Часть II

По островам и континентам

*Слава толстым подметкам,
Сапогам на гвоздях,
Ходокам, скороходкам, —
Божествам в сапогах!*

*Слава Господу в небе —
Богу сил, Богу царств —
За гранит и за щебень
И за штат, и за кварц.*

*Чистоганную сдачу
Под копытом – кремня...
И за то, что ходячим
Чудом – создал меня!*

Марина Цветаева

Глава 1. Путешественники разных стран и народов

Самая замечательная экспедиция в истории человечества завершилась первым открытием человека Нового Света. Это великое достижение навсегда останется безымянным и не имеющим точной даты.

Известно только, что произошло это не менее чем 15 тысячелетий назад, а первопроходцами были выходцы из Северо-Восточной Азии. Они прошли через Чукотский полуостров на Аляску. Этот переход можно было в то время совершить по суше.

Завершалось последнее континентальное оледенение. В Антарктиде, на севере Америки и Евразии скопилось столько льда, что уровень Мирового океана (из которого изымалась вода) понизился примерно на 60 метров. Между всеми континентами, кроме Антарктиды, возникли сухопутные перемычки.

Северо-восточная окраина Азии была соединена с северо-западной окраиной Америки широкой полосой суши, получившей название Берингия. По ней перешли первые кочевые группы охотников каменного века в Новый Свет. Вслед за ними туда потянулись целые племена. Через несколько тысячелетий их потомки прошли, миновав экватор, весь этот материк.

Примерно в то же время произошло первое открытие самого маленького континента – Австралии.

Эти два великих достижения были совершены по извечным биологическим законам, в результате расширения ареала обитания вида *Homo sapiens*, получившего возможность с помощью техники и огня, используя свой разум и взаимную помощь, господствовать среди животных и воздействовать на ландшафты.

В дальнейшем мы будем ссылаться только на те экспедиции, о которых сохранились письменные сведения или, в некоторых случаях, предания.

Странствие Гильгамеша

Первое дошедшее до нас свидетельство дальних странствий предоставлено в аккадском мифе о Гильгамеше. Предполагается, что имя это могло означать «предок-герой» (от шумерского – Бильгамес).

Согласно исследованиям историков и археологов, Гильгамеш был третьим царем I династии Урука в конце XXVII – начале XXVI века до н. э. Позже в предании он – уже в качестве мифологического героя – приобрел божественных родственников как потомок солнечного бога Угу и сын богини Нинсун, а срок его правления стал неправдоподобно большим: 126 лет. О нем сказано: «На две трети – бог, на одну – человек он».

Гильгамеш, мифический герой, легендарный царь Урука. Рельеф во дворце Саргона

Трудно судить, насколько литературный герой этой поэмы соответствует историческому персонажу. Во всяком случае, среди подвигов Гильгамеша отмечаются не только победы над врагами, но и трудные путешествия.

Вавилонская поэма, посвященная ему, начинается так:

О всё видавшем до края мира,
О познавшем моря, перешедшем все горы,
О врагов покорившем вместе с другом,
О постигшем премудрость, о всё проникавшем;
Сокровенное видел он, тайное ведал,
Принес нам весть о днях потопа...

Перечисляя достоинства своего героя, автор поэмы отметил, что тот «рассказ о трудах на камне высек» (по-видимому, владея грамотой), а самое главное – возвел неприступные стены вокруг Урука.

В молодости Гильгамеш отличался буйным нравом и беспутным поведением. От его безобразий возмутились горожане и обратились с мольбой за помощью к богам. Богиня Аруру слепила из глины дикого волосатого великана Энкиду, охотника, жившего вместе со зверями и подобного им. Вот с кем надлежало помериться силами Гильгамешу. И тогда молодой царь Урука подослал к Энкиду храмовую красавицу-блудницу Шамхат. Дикий человек вспылал к ней любовью и шесть дней, семь ночей наслаждался ее ласками. Мышцы его ослабели, но зато стал он умней.

В этом эпизоде заключена глубокая и нетривиальная мысль: дикое существо обрело человеческие черты благодаря любви и пробуждению чувства прекрасного. Утратив часть своей физической силы, дикарь взамен обзавелся умом, и в этом ему помогла женщина.

Гильгамеш и Энкиду, став друзьями, вместе совершали подвиги. Они убили великана Хуваву – духа-хранителя кедровой рощи. По нашим понятиям, поступок был преступный, браконьерский, связанный с уничтожением заповедного кедровника.

Гильгамеш – представитель городской цивилизации. Ему чужды проявления «дикой» первозданной природы. Он совершает дальнейшее путешествие – к горам Ливана, для того, чтобы добыть кедр.

Энкиду заболел и умер, душа его отошла в царство мертвых. Отправился Гильгамеш в странствия, надеясь найти бессмертие. Бродя по свету, попадает он в подземное царство, где находится сад самоцветов (превосходный художественный образ и мудрая мысль).

Гильгамешу удается встретиться с единственным человеком, который обрел бессмертие (возможно, благодаря своей праведной жизни) и пережил всемирный потоп. Этот человек – Утнапиштим – поведал Гильгамешу события тех далеких дней.

Завет обрести бессмертие был прост: «Богатства презри, спасай свою душу!» И не мольбами к богам спасать, а трудом и разумом.

Легенду о всемирном потопе можно считать «преднаучной гипотезой», призванной объяснить образование обширных равнин и находки в горах окаменелых раковин морских беспозвоночных. А что касается конкретного великого потопа в Двуречье, то и эта проблема давно интересует ученых.

Необычайно сильный потоп действительно был (и не раз), а какой-то предусмотрительный шумер однажды подготовился к нему, построив ковчег.

Гильгамеш обратился к богам с просьбой освободить Энкиду. Солнце-Уту открыл отверстие в мир теней, и оттуда вылетела душа Энкиду. «Какие законы подземного мира?» – спросил Гильгамеш. «Если скажу о них, ты зарыдаешь», – ответил Энкиду.

Царство смерти беспощадно к человеку: тело его поедают черви, оно превращается в прах. Души человеческие посмертно обретают разную судьбу. Лучше всего тем, у кого осталось на земле много детей (сыновей), которые их поминают, а также храбрецам, павшим в бою. Бедствуют и горюют те, кого никто не поминает добром, не приносит во имя них жертвы богам.

Такова древнейшая версия о посмертном воздаянии душам человеческим за их дела земные. Но более интересны с философской и обыденной точек зрения поучение Утнапиш-тима, утешающего Гильгамеша, озабоченного поисками секрета бессмертия: «Плоть богов и людей в твоём теле таится». Иначе говоря, в человеке присутствует не только земное, но и небесное, искра божия. А дальше мудрец напоминает о бренности бытия:

Ярая смерть не щадит человека.
Разве навеки мы строим дома?
Разве навеки мы ставим печати?..
Спящий и мертвый друг с другом схожи —
Не смерти ли образ они являют?
Человек ли владыка [жизни]?

Утнапиштим рассказал Гильгамешу, как достать со дна океана цветок вечной молодости. Герой ныряет в океанскую пучину и срывает колючий цветок. Но, возвращаясь домой, он теряет заветный цветок (его уносит змея). Погоревав, Гильгамеш добирается до родного Урука. И тут, видя высокие стены, которые сам возвел, он успокоился и возрадовался...

Как тут не вспомнить финал «Фауста» Гёте!

Первое пересечение Сахары

Сведения о первых путешественниках, рискнувших отправиться в глубь Сахары, привел греческий историк, этнограф и географ Геродот (484–425 г. до н. э.). Он прошел по многим странам, побывал в Южном Средиземноморье и Египте. О Ливийской пустыне (в ту пору Африку называли Ливией) он расспросил местных жителей.

Судя по всему, тогда египтяне не совершали походов на запад, в области преимущественно пустынные. Их больше интересовал вопрос об истоках Нила. Существовала легенда, что он вытекает из подземной бездны. Но Геродот не был доверчив и постарался узнать нечто более правдоподобное. Он выяснил, что жители Ливийской пустыни насамоны, представители одного из берберийских племен, рассказывали такую историю:

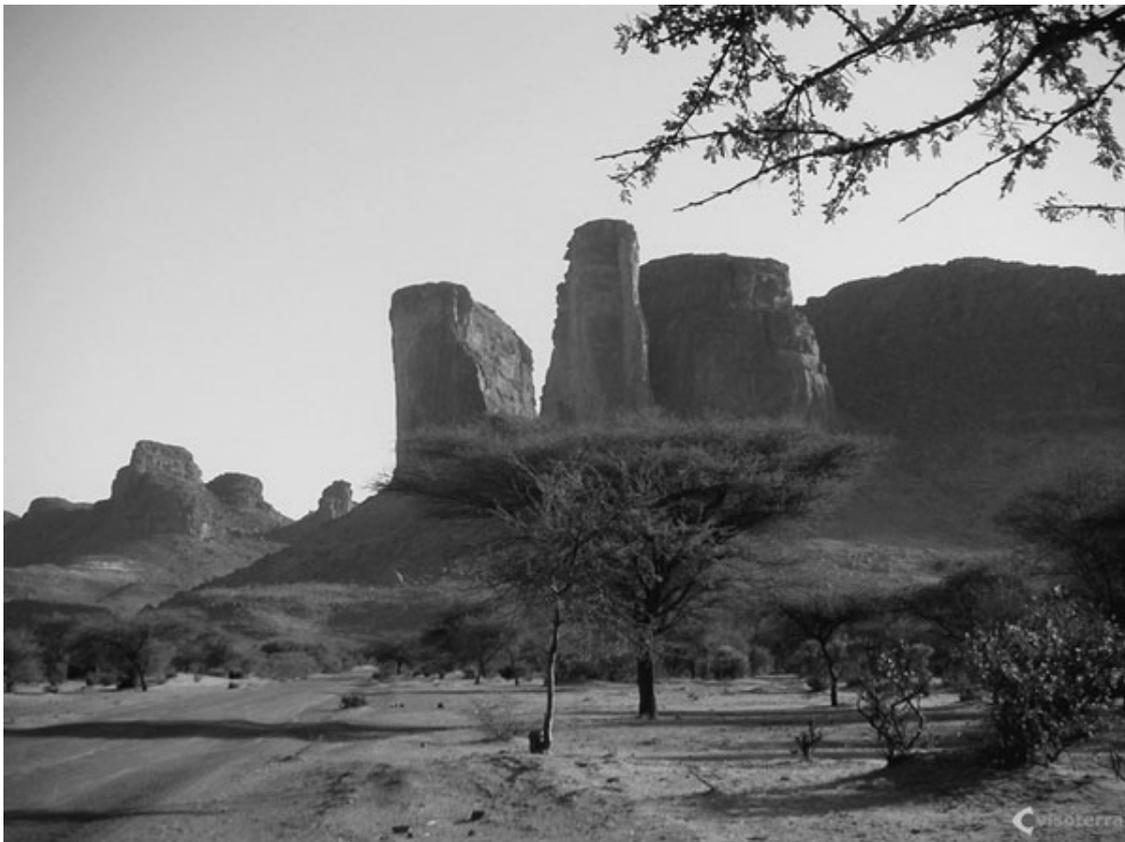
«Были у них отважные молодые люди, сыновья вождей. Возмужав, эти юноши придумывали разные безумные затеи и даже выбрали по жребию пятерых из своей среды совершить путешествие по Ливийской пустыне с целью проникнуть дальше всех тех, кто раньше побывал в самых отдаленных ее частях.

Итак, юноши, посланные сверстниками, отправились в путь с большим запасом воды и продовольствия. Сначала они шли по населенной местности, а затем, миновав ее, прибыли в область диких зверей, а оттуда наконец в пустыню, держа путь все время на запад. После многодневного странствия по обширной пустыне они снова увидели растущие в долине деревья.

Подойдя к деревьям, юноши стали рвать висевшие на них плоды. В это время на них напали маленькие (ниже среднего роста) люди, схватили их и увели с собой. А языка этих людей насамоны не могли понять, и те, кто их вел, тоже не понимали речи насамонов. Юношей вели через обширные болота и наконец доставили в город... Мимо этого города протекала большая река, а течет она с запада на восток и в ней были видны крокодилы» (Геродот, II, 33).

В конце концов путешественники благополучно вернулись на родину.

Из этой истории Геродот заключил: «Нил течет из Ливии, рассекая ее посередине».

Пустыня в окрестностях Томбукту

Если иметь в виду природу современной величайшей пустыни мира, то экспедиция пятерых насамонов выглядит необычайно отчаянным мероприятием, лишь чудом завершившимся успехом. А если учесть, что тогда в этих краях не было верблюдов, то данная история представляется легендой.

Однако в действительности, как свидетельствуют данные, добытые археологами и палеогеографами, в те времена облик Сахары был иной. Она представляла собой почти сплошную саванну с озерами и реками, лесными массивами. Это очень важный для нас результат этой экспедиции. Как показала она, этой пустыни два с половиной тысячелетия назад не было.

Какую реку могли встретить юные насамоны?

Предположение о неведомом левом притоке Нила отпадает, ибо путники двигались на запад, а не на юг или юг—юго-запад. Напрашивается вывод: они пересекли Сахару и пришли в среднее течение Нигера. Там имелись поселения, из которых наиболее крупным был город Тимбукту (привычное нам название на картах 2-й половины XX в.; или – Томбукту, как

его рекомендует называть отечественный Географический энциклопедический словарь 1983 года издания, опираясь на французскую транскрипцию местного названия Tombouctou).

Вряд ли молодые путешественники начали свой путь из района среднего течения Нила. Область, занятая этим племенем, находилась северо-западнее, в районе Триполитании, Киренаики. По-видимому, исходным пунктом для пересечения Сахары послужил торговый центр Мурзук, находящийся примерно в 600 км от побережья Средиземного моря, западнее залива Сидра. А шли путники в целом на юго-запад. Не имея компаса и руководствуясь здравым смыслом, чтобы не погибнуть в незнакомой местности, они наверняка предпочитали караванные пути.

Трудно поверить, что столь непростое и смертельно опасное предприятие осуществили пять сумасбродов из озорства или по глупости. Если они были детьми местных царьков, то как могли отцы позволить им уйти в знойную неведомую пустыню без разумной цели, без проводников и слуг, охраны?! Невероятно.

Отчаянным юношам удалось ладить с встреченными в пути иноплеменниками, иметь кров и пропитание, узнавать дорогу. У них могли быть лошади или ослы (верблюды появились в Сахаре много позже). Им благоприятствовала природа. Если тогда в этом регионе были пустыни, то лишь на отдельных территориях, которые можно было обойти стороной.

Для египтян, рассказавших об этом путешествии, казалось безумием отправиться в глубь Ливийской пустыни. Они поверили, будто на такое предприятие решились юноши по глупейшему поводу. Но глупцы не смогли бы совершить труднейшую экспедицию, успешно вести на своем пути переговоры со многими царьками и вождями, договариваться с местными жителями...

Судя по всему, эти пятеро насамонов были направлены в Сахару как разведчики, чтобы выяснить возможность торговых связей или с целью поисков мест, пригодных для обитания. Ведь племена берберов, как многие другие, со временем увеличивались в числе и вынуждены были осваивать новые территории, налаживать новые виды хозяйства.

Как путники расплачивались за еду и кров? По-видимому, у них были какие-то товары. А так как их не ограбили (что стало обычным полтора-два тысячелетия спустя), значит, жители Сахары не бедствовали, успешно вели свое хозяйство и были благожелательно настроены к пришельцам.

Подчеркнем: невероятно, чтобы пятеро юношей смогли пройти сотни километров через безводную пустыню, да еще вернуться тем же путем. И все-таки нет оснований усомниться в верности сообщения Геродота. Ведь и через несколько столетий отдельные путешественники или группы людей совершали подобные переходы.

Вывод: тогда в Сахаре преобладала саванна, подлинно пустынные районы были невелики, а расстояние между оазисами или колодцами составляло не более 10–20 км.

Самый прославленный путешественник

Уточним: он прославлен как полководец. Кто не слышал о сражениях и завоеваниях Александра Македонского! Что влекло его в неведомые страны? Только ли жажда власти, славы, приключений? У него в юности был мудрый наставник – Аристотель. Не исключено, что вдохновляло его и стремление к познанию.

Английской историк науки Дж. Бейкер утверждал: «Решающим событием в ходе накопления географических знаний был... великий поход Александра Македонского из Греции в Индию».

Советский географ И.П. Магидович думал иначе: «Историки часто приписывают ряд географических открытий Александру Македонскому и участникам его походов или сильно преувеличивают их роль в деле изучения географии Востока... Участники македонских

походов, как правило, не добыли на месте новых и не обработали старых географических материалов, собранных покоренными ими народами (египтянами, персами и др.). Исключение представляет флотоводец Неарх, составивший подробный отчет о своем плавании от устья Инда к устью Евфрата».

По словам Магидовича, значительно больше сведений об Индии узнали греки из трудов Мегасфена (греческого посла в Индии), а не от спутников Александра Македонского. Отчасти это верно. Но только отчасти.

Александр Македонский. Мозаика из «Дома Фавна». Помпеи

«Мегасфен сообщает, – писал римский историк Элиан Клавдий, – будто в Индии есть крылатые, очень большие скорпионы, которые часто жалят европейцев. Там есть якобы также крылатые змеи». Страбон тоже сослался на этого автора: «Мегасфен говорит, что в земле прасиев водятся самые крупные тигры, по величине почти в два раза превосходящие львов... Там вырывают из земли камни, которые слаще фиг и меда и имеют цвет ладана».

Конечно, не все сообщения Мегасфена были фантастичными. По обычаю своего времени, он пересказывал были и небылицы. Так что не следует требовать от походов Александра Македонского каких-то научных достижений. Достаточно и того, что он предпринял крупнейшую экспедицию древности, хотя и как полководец, а не профессиональный географ.

Став после смерти отца Филиппа царем Македонии в 20 лет, он предпринял ряд походов, продолжавшихся всю его жизнь. В составе его экспедиционного корпуса находились картографы, историки, инженеры, художники, призванные изучать новые страны, но прежде всего они были военными инженерами и топографами.

В Малой Азии небольшому отряду македонской армии (около 50 тысяч человек) противостояла персидская, превосходящая ее в несколько раз. Разгромив врагов в двух сражениях – у реки Граник и города Иссy (в 334 и 333 гг. до н. э.), Александр преследовал Дария,

бежавшего на юг. Македонское войско прошло Ливан и Сирию. Задержаться пришлось на несколько месяцев у города Тир, взятого после долгой осады.

Перейдя границу Египта, Александр, захватив Мемфис, принял титул фараона и основал в дельте Нила город Александрию, отправившись на поиски войска Дария. Армии встретились в Двуречье, и вновь персидский царь потерпел сокрушительное поражение...

Поражает уже сам по себе маршрут, который прошел со своей армией Александр: из Греции через Малую Азию в Египет, затем через Ливийскую пустыню в Двуречье, после чего – в Среднюю Азию. Перейдя через Гиндукуш, он вышел в Долину Окса (Амударьи), достиг среднего течения Яксарта (Сырдарьи). Эти земли считались крайней границей Азии.

Еще раз преодолев горы Гиндукуша, Александр вторгся в пределы Индии. Перейдя долину Инда, он хотел двигаться дальше на восток или юго-восток, но уставшие солдаты взбунтовались и потребовали возвращения на родину. Спустившись вниз по долине Инда, он отправил часть войска под командованием флотоводца Неарха в обратный путь, а сам с оставшимися полками двинулся на запад по суше в Южный Иран.

Переход был трудный. Стояла летняя жара, и немало людей и скота погибло в пути. Однако в конце концов армия воссоединилась в Двуречье, и неугомонный Александр надумал предпринять поход в Аравию.

Его замыслы прервала внезапная смерть в 323 году до н. э.

Со своей армией он преодолел такие расстояния, которые не прошел ни один путешественник до него, да и много веков спустя. Он был уверен, что пересек Азию, хотя вся ее северная половина и восточная части так и остались для греков неизвестными.

Некоторые авторы приписывают македонскому царю создание более 70 городов. Другие сокращают эту цифру вдвое. И в этом случае количество новых «Александрий» впечатляет. Но сколько городов он уничтожил, сколько привел в запустение земельных угодий и оросительных систем! Его разрушительная деятельность значительно превосходила созидательную.

Во второй половине XIX века американский естествоиспытатель Георг Марш в монографии «Человек и природа» пронизательно отметил:

«Северная Африка, Аравийский полуостров, Сирия, Месопотамия, Армения и многие другие области Малой Азии... отличались в древнее время большим плодородием... Многие пустынные в настоящее время пространства некогда имели густое население, необходимо предполагающее такое плодородие почвы, от которого теперь сохранились разве только одни слабые следы. Только чрезвычайным плодородием можем мы объяснить, каким образом огромные армии, как, например, персидская, а в позднейшее время крестоносцев и татар, могли продовольствоваться без всяких комиссариатов во время дальних переходов через территории, которые в наше время едва в состоянии прокормить один полк».

Если с этой точки зрения взглянуть на путь, пройденный Александром Македонским, многое прояснится. Каким образом смогло его войско преодолеть тысячи километров, проходя почти исключительно зоны современных пустынь и полупустынь? Почему он предпочитал закладывать новые города в ныне малонаселенных областях Азии?

Наиболее обоснованный ответ на оба вопроса один: зоны современных пустынь и полупустынь во времена Александра Македонского были иными, более всего похожими на степь, лесостепь или саванну. К такому выводу пришел Георг Марш. Он справедливо отметил, что эти территории «представляли сочетание естественных и искусственных условий столь благоприятное для человека, что здесь могло жить в довольстве густое, образованное население».

Так было в далеком прошлом. «Эти части земной поверхности в настоящее время совершенно бесплодны или представляют такое оскудение производительности, что за

исключением немногих оазисов, избегших общей участи, не в состоянии удовлетворить нужды цивилизованного человека».

Почему произошла разительная перемена? По мнению Марша, «упадок этих некогда столь цветущих стран произошел отчасти вследствие таких геологических причин, действие которых человек не мог ни остановить, ни исправить, а отчасти также вследствие прямого насилия человека над природой; но главная причина этого упадка заключается в невежественном небрежении человека к законам природы, в войнах, в гражданской и церковной тирании, в злоупотреблениях».

Что касается естественных изменений климата, то в XX веке определенно выяснилось, что они если и влияли на природные зоны, то чрезвычайно мало, практически неощутимо. А вот сами люди действительно сумели опустошить огромные территории. Одним из наиболее сильных средств такого рода явились крупные военные действия.

Вторгаясь на земли, населенные высококультурными народами, полки македонского царя производили значительные, а во время боевых операций или штурма городов – катастрофические разрушения. Цветущие поля и тучные пастбища вытаптывались, оросительные системы приходили в запустение.

Во время войны с Дарием на территории Двуречья долгое время совершали маневры и македонская и втрое многочисленная персидская армии. Это самым плачевным образом сказалось на природе края, которая и без того находилась в критическом состоянии из-за долгой эксплуатации. Перейдя в междуречье Амударьи и Сырдарьи, полки Александра вновь произвели опустошение, уничтожив ряд городов и оросительных сетей, после чего зной и ветер довершили образование пустынь. В долине Инда завоеватели окончательно уничтожили находящуюся на стадии упадка местную древнюю цивилизацию (на 2 тысячелетия старше греческой!) и способствовали окончательному опустыниванию края.

Конечно, формирование пустынь и полупустынь в этом обширном регионе Юго-Западной и Средней Азии продолжалось много столетий и было связано прежде всего с интенсивной сельскохозяйственной деятельностью, истощением почв, эрозией земель, снижением уровня грунтовых вод, а также вызванными этими процессами климатическими изменениями. Там, где природа имела возможность возродиться, войны не приносили непоправимого урона. Но в ряде районов они сыграли роль завершающего аккорда в трагическом финале угасающей цивилизации.

Воин и разведчик Чжан Цянь

В Западной Европе долгое время история географии была ограничена сведениями о путешественниках «белой расы». Характерное признание сделал известный английский историк географии Дж. Бейкер:

«Китай находился в близком контакте как по суше, так и по морю с Индией, куда из Китая ходило множество буддийских паломников. Первым из них, о котором мы имеем достоверные сведения, был Фа Сянь... Китайские буддисты продолжали ходить в Индию в течение еще четырех последующих столетий. По словам путешественников нашего времени, их описания очень точны. Однако собранные ими сведения не дошли до Европы, и потому нет оснований придавать им слишком большое значение в общей истории исследований».

Посольство Чжан Цяня. Фреска из храма Тысячи Будд

Иначе говоря, европейские ученые за немногим исключением предпочитают писать об открытии человеком Земли так, словно центр планеты находится в Западной или Южной Европе или, по крайней мере, еще и на Ближнем Востоке. Однако смелые и опасные путешествия совершали в древности прежде всего представители ранних цивилизаций.

...Издавна путешественников вдохновлял дух дальних странствий, жажда новых впечатлений. Но нередко им приходилось выполнять дипломатические поручения и военную или экономическую разведку. Древний Китай в этом отношении не был исключением.

Географическое положение плодородных долин Восточного Китая во многом определяет его многовековую изоляцию. От остальной территории Азии эти долины отделяют горные системы, высокогорные пустыни, таежная суровая тайга с севера и дикие джунгли на юге. Если добраться из Западной Европы до Центральной Азии можно по широкой полосе равнин, покрытых степями и лесостепью, то с Востока пройти такой же протяженный путь чрезвычайно трудно.

О том, что представляли собой географические китайские трактаты древности, можно судить по «Каталогу гор и морей», который был создан в основе своей более 22 веков назад. В нем одинаково беспристрастно приведены и реальные и фантастические сведения. Например:

«Еще в трехстах ли к востоку есть гора Основная (Цзи). На ее южном склоне много нефрита... Там водится животное под названием бочи, похожее на барана, но с девятью хвостами и четырьмя ушами; глаза у него расположены на спине. Имей его при себе, не будешь знать страха. Там водится птица, похожая на петуха, но с тремя головами и шестью глазами, шестью ногами и тремя крыльями... Если съешь ее, не заснешь».

Сообщив о местоположении горы Старшей, автор «Каталога» отмечает, что там «водится животное, похожее на обезьяну, но с четырьмя ушами. . . Где его увидят, в той области или уезде быть большому наводнению». Но кроме подобных «научных» сведений китайские императоры собирали достоверные факты о соседних с Поднебесной странах и народах.

Особенно актуальны стали такие данные с IV века до н. э., когда с севера и северо-запада начали нападать на Китай воинственные кочевники. Для защиты от них возводили Великую Китайскую стену. Но организовать надежную оборону невозможно, если плохо осведомлен о своем противнике. Кроме того, надо было узнать о возможных своих союзниках на западе. С дипломатически-шпионским поручением была отправлена делегация под руководством сильного и выносливого офицера императорской стражи Чжан Цяня. Его переводчиком был гунн Таны.

После десятилетнего пребывания в стране гуннов Чжан Цянь с женой, сыном, верным Таны и частью своей свиты прошли вдоль южных предгорий Восточного Тянь-Шаня и спустились по долине Нарына в Ферганскую долину. Населявшие ее земледельческие племена были не прочь завязать торговые отношения с Китаем.

Проведя около года в междуречье Сырдарьи и Амударьи (в ту пору это были цветущие земли), Чжан Цянь обогнул с юга Памир, спустился к пустыне Такла-Макан. Проходя по южной её окраине, он достиг озера, которое назвал Соляным (озеро Лобнор), сделав смелый вывод, что отсюда подземные воды устремляются на юго-восток и затем дают начало Желтой реке (Хуанхэ).

Это была ошибка, которая тем не менее делает честь географическому кругозору Чжан Цяня, полету воображения и верным представлениям о том, что реки питаются подземными водами (хотя истоки Хуанхэ находятся в восьмистах километрах к юго-востоку от Лобнора).

Он преодолел около 15 тысяч километров и первым открыл дорогу в Западный край, сообщив бесценные сведения о природе, странах и народах Центральной Азии.

В 123 году неутомимый Чжан Цянь возглавил китайское войско, отправившееся в поход против гуннов. Он знал места, откуда можно внезапно напасть на врага. Одержав победу, Чжан Цянь с триумфом вернулся восвояси, получив княжеский титул.

Однако следующий его поход закончился провалом: гунны наголову разбили китайцев. Спасшегося Чжан Цяня обвинили в трусости и предательстве, приговорив к смертной казни. Он откупился, был помилован, но лишен княжеского титула. Завершил свою жизнь простолюдином (хотя при случае император все-таки прибегал к его помощи для налаживания связей с западными странами).

Странствия буддиста

В Древнем мире путешествия считались одним из верных путей к познанию не только неведомых стран, но и самого себя. Религиозные философы с этой целью посещали места, где некогда побывал их учитель мудрости.

В первые века нашей эры правители Китая взяли курс на максимальную изоляцию своего государства. В экономическом, техническом и культурном развитии оно ушло далеко вперед от своих ближайших соседей. Правда, на юго-западе находилась богатая, с давними культурными традициями Индия. Но путь к ней преграждали гигантские горные страны: Куньлунь, Тибет, Гималаи.

Городская стена Сианя. Современный вид

Из Индии в Китай тем не менее распространялось идеологическое влияние – учение Будды. Правда, в Китае было немало своих легендарных мудрецов, из них наиболее почитался Кунцзы, или Конфуций (VI–V вв. до н. э.). Его учение было преимущественно философским, проникнутым духом консерватизма, уважения к традициям (самоусовершенствование личности предполагало в то же время полное подчинение правителям). Он сформулировал основной принцип нравственности: «Не делай человеку того, чего не желаешь себе».

Образ Конфуция оставался слишком обыденным и привычным, чтобы воздействовать не только на рассудок, но и на чувства людей. В этом отношении более привлекательным выглядел буддизм, отрывающий человека от мирской суеты, поднимающий к духовным высям и мистическим откровениям. Сам жизненный путь Будды, утверждающий отказ от низменных материальных утех и зовущий к постижению высших истин, приобщению к Мировому Духу, служил яркой путеводной звездой для верующих.

Так или иначе, а в Китае появились приверженцы буддизма. Один из них – буддийский монах Фа Сянь. Он жил в Чаньане и проникся печалью, заметив пробелы в законе буддийского вероучения, каким оно в ту пору было известно в Китае. По этой причине – согласно официальной версии – он со спутниками решил совершить паломничество в Индию.

Вышли они в 399 году из города Сиань на реке Вэйхэ (много позже отсюда начался Великий шелковый путь). Дорога их лежала через пустыни Алашань – Бэйшань – Такла-Макан. В своих записках он отмечал, говоря об участниках экспедиции в третьем лице:

«В пустыне той водится множество злых демонов. Часто дуют жгучие ветры, и застигнутый ими путник погибает. Нет здесь ни птиц, ни диких зверей. Всмотриваешься, насколько

хватает взгляда, и видишь, что путь отмечен костями людей... По этой пустыне в течение 17 дней они прошли путь в 1500 ли (около 500 км) и прибыли затем в царство Шеншен».

Судя по всему, в те времена зона современных пустынь была все-таки не столь сурова, как в наши дни. В противном случае путешественники не смогли бы ее преодолеть. Кстати, тогда у озера Лобнор находился цветущий оазис Шеншен, где паломники сделали остановку, набираясь сил перед горным переходом через Тянь-Шань.

«Пробыв здесь месяц и несколько дней, путешественники отправились дальше в северо-западном направлении. После 15-дневного перехода они пришли в царство Ву-и... Вскоре они двинулись дальше в юго-западном направлении. На своем пути они не встретили ни жилищ, ни людей. Страдания, которые пришлось претерпеть путникам на избранном ими пути, при переправах через реки и преодолении естественных преград, превосходят воображение».

Через месяц и 5 дней они прибыли в Хоту. Вот его описание:

«В 7 или 8 ли к западу от города стоит сооружение, называемое Новым царским храмом... Высота храма около 80 м, и украшен он многочисленными золотыми и серебряными плитами, с выгравированными надписями. Всевозможные драгоценные камни были использованы при отделке храма. За главной башней выстроено роскошное святилище Будды с великолепным убранством. Балки, колонны, двери, оконные проемы покрыты листовым золотом.

Спустившись с гор Цунлин, они шли в юго-западном направлении 15 дней. Путь этот труден и изнурителен. Горы, подобно каменным стенам, поднимаются до 10 000 футов. Если смотреть по сторонам, то закружится голова, и тогда лучше не идти дальше, а то ноги потеряют опору и гибель неизбежна. У подножия гор течет река, называемая Синту (Инд). В древние времена люди прорубали скалы, чтобы проложить дорогу, и высекли для спуска каменные ступени, числом около 700».

Он пересек с запада на восток северную часть полуострова Индостан и два года прожил в стране, которую называл «Центральным царством». Как он позже писал в своих воспоминаниях, «здешние люди честны и благочестивы, они не имеют чиновников, не знают законов, не признают смертной казни, не употребляют в пищу никаких живых существ, и в их царстве нет ни скотобоев, ни винных лавок».

В Индии Фа Сянь переписывал священные книги и зарисовывал изваяния Будды. Затем отправился на большом торговом судне на юг. Они плыли под парусами 14 дней и прибыли в «Страну львов» (Цейлон).

«Как ни странно, но в царстве этом нет людей, его населяют лишь драконы и демоны. Сюда съезжаются торговать купцы из разных стран. Во время торга демоны лично присутствуют и раскладывают свои прекрасные товары, прикрепляя к ним цены». (На Цейлоне принято торговать именно так, не торгуясь, а на демонов местные жители походили потому, что были чернокожими.)

Совершив долгие и опасные плавания, монах побывал на Яве и вернулся на родину через 14 лет. С 399 по 414 год он посетил 30 стран. Его книга о посещении дальних стран («Фа го цзи») – ценное свидетельство о культурной, главным образом религиозной жизни встреченных им народов и государств.

«О странах Запада»

Так называются записки китайского путешественника-исследователя VII века буддийского монаха Сюань Цзана. Его материалы лаконичны и точны. Французский географ XIX века Э. Реклю имел все основания назвать его «настоящим исследователем новых стран в современном значении этого слова».

Китайский путешественник-исследователь VII века буддийский монах Стань Цзан

Свой путь на Запад, в Индию, Сюань Цзан, подобно Фа Сяну, предпринял как паломник или под видом паломника. Он не спешил добраться до родины буддизма, избрав маршрут, значительно больше подходящий для разведчика, чем для странника по святым местам, постигающего философию буддизма.

В то время Китай проводил политику «закрытых границ». Существовал императорский указ, запрещающий путешествия в другие страны. Тем не менее китайские буддисты продолжали бывать в Индии. Возможно, некоторые из них делали это на свой страх и риск. В таком случае они, конечно же, избирали не тот маршрут, по которому двинулся Сюань Цзан. А он пришел далеко на запад. По-видимому, он не только обходил великие горные системы и нагорья Центральной Азии, чтобы добраться до Индии, но вдобавок знакомился с дальними странами.

Покинув Китай в 629 году, он двинулся не на юго-запад, а на запад-северо-запад – как раз туда, откуда Китайской империи грозили кочевники. Он имел прекрасную возможность пройти по хорошо известному со времен Фа Сяня пути. Но предпочел иной и, пожалуй, не менее, если не более трудный. Ему пришлось преодолевать горные хребты и пустыни. Вдоль южных отрогов Тянь-Шаня добрался он до озера Иссык-Куль, побывал в междуречье Сырдарьи и Амударьи – в Самарканде и Ташкенте.

Только после этого он резко повернул на юг и через горную систему Гиндукуш перешел в Северо-Западную Индию. Трудно представить себе, что столь сложный маршрут он проделал, не зная, хотя бы в общих чертах, географию тех мест и не имея достаточно ясного представления о положении Индии относительно Китая. Не менее сомнительно, что его вдохновляли чисто научные цели.

Судя по всему, китайские императоры хотели как можно больше знать не только о воинственных кочевниках, но и о своем юго-западном соседе. Индию Сюань Цзан исследовал обстоятельно. Он обошел по периметру почти весь полуостров Индостан. В долине Ганга два года в монастырских библиотеках изучал буддийские тексты. Довелось ему побывать и в плену у пиратов, и при дворе царя Харши, войско которого имело 20 тысяч слонов. (Вряд ли случайно путешественник интересовался войском и вооружением индийской армии.)

Сюань Цзан вел географические наблюдения как натуралист и кроме рукописей собирал коллекцию семян растений (при переправе через Инд он потерял почти всю свою библиотеку и уникальную коллекцию). Обратный путь на родину он проделал также по суше через Центральную Азию. После 16 лет странствий вернулся в Китай, если верить преданию, на колеснице, запряженной 20 конями, привезя с собой 700 книг и много буддийских реликвий. Его с почестями принял император.

Даже если в сообщении о его триумфальном возвращении имеется большая доля преувеличения, остается загадкой, как мог Сюань Цзан в столь трудном, опасном и долгом путешествии сохранять и, по-видимому, приумножать свою поклажу? Значит, он был хорошо снаряжен и путешествовал не как бедный монах, а как богатый купец и представитель китайского императора. Неслучайно же встречали его с почестями – так, словно он успешно выполнил какое-то важное государственное поручение.

Китайское государство не могло поощрять тех своих подданных, которые приняли буддизм: в стране было признано конфуцианство. Создается впечатление, что если даже буддизм пользовался в Китае некоторой популярностью, то экспедиции в дальние страны под видом буддийских монахов нередко совершали географы-разведчики.

Купец и географ Ибн Баттута

Европейцы называют эпохой Великих географических открытий освоение Мирового океана. У арабов подобная эпоха началась раньше в связи с путешествиями по странам и континентам. Одним из первых арабских географов был Идриси (XII век), родившийся на северо-западной окраине Африки. Он побывал в Сахаре, но не оставил соответствующих описаний.

Выдающимся географом Средневековья был Ибн Баттута, уроженец Танжера (Северо-Западная Африка). О начале своих странствий он писал: «Я был один, без спутника, на которого мог бы положиться, без каравана, к которому мог бы присоединиться. Но меня подгоняли твердая решимость и страстное желание увидеть глубокочтимые святыни. Поэтому я решил расстаться со своими близкими... Мне тогда было 22 года».

Дом Ибн Батутты в Томбукту с мемориальной доской

Итак, в 1325 году он отправился с караваном в Египет, поднялся по Нилу до первого порога, пересек Сирию, посетил святые места в Западной Аравии, Ираке. После двухлетнего пребывания в Мекке он решил продолжить странствия и прошел до Йемена. Он вспоминал:

«В Кулуа мы сели на судно, направлявшееся к городу Зафар (Джау-хари)... Он находится на окраине Йемена у Индийского океана; отсюда вывозят лошадей в Индию. При попутном ветре плавание длится целый месяц...

...Малабар простирается на расстоянии двух месяцев пути от Син-дапура до Каулема. Дорога проходит все время в тени деревьев. Через каждые полмили стоит деревянный дом с нарами; их занимают все странники – как неверные, так и мусульмане... Вдоль этой дороги... нет даже малых клочков неводеланной земли».

Через Сирию он достиг Малой Азии, побывал в Крыму и добрался в 1333 году до Сарай-Берке, столицы Золотой Орды, расположенной в низовьях Волги. Торговые дела путешественника складывались успешно, и он отважился двинуться к верховьям Волги, рассчитывая приобрести пушнину. Но севернее города Болгар (район Жигулей) не рискнул пробираться в «Страну тьмы»: «Я уклонился от этого предприятия из-за большой опасности, а также из-за того, что там нельзя было ожидать серьезных барышей».

Побывав с татарским посольством в Константинополе, он через Прикаспийскую низменность и плато Устюрт достиг Ургенча, Бухары, Самарканда. Отправившись на юг, пересек хребет Гиндукуш и по долине Инда прибыл в Дели. Прожив там несколько лет, по поручению султана направился в Китай. Однако по дороге он был ограблен, некоторое время бедствовал, служил мусульманскому правителю Мальдивских островов, перебравшись на Цейлон.

Он писал: «Я решил предпринять путешествие на Мальдивские острова, о которых много слышал. Мы достигли острова Дибат-ал-Хахаль спустя 10 дней после того, как сели на корабль в Каликуте...

... Все побережье страны Цейлон покрыто стволами коричневого дерева, которое приносят сюда горные реки... На лбу белого слона я видел семь рубинов, из которых каждый был больше куриного яйца, а у султана Аири Сакарвати – ложку из драгоценного камня величинной с ладонь, в которой находилось масло алоэ...

...Когда мы остановились у маленького острова (Пиджин)... на нас напали язычники (пираты). Они яростно сражались с нами и одержали победу. Они отняли у меня все, что у меня было».

В конце концов ему удалось достичь Китая. Здесь он встретил торговцев-арабов. При их содействии Ибн Баттута побывал в Ханбалыке (Пекине). «Китай мне не понравился, – писал он, – хотя в нем есть много прекрасного. Наоборот, я был очень опечален, что там царит неверие... Старики в Китае пользуются большим почетом».

Он вернулся на Цейлон, вдоль северного берега Индийского океана доплыл до Аравии, через Сирию и Египет, придя на родину в 1349 году. После поездки в Испанию (Гранаду) Ибн Баттута, недолго побыв дома, в январе 1352 года отправился на юг с посольством султана города Феса. Путь лежал в крупный торговый центр Западной Африки Тимбукту – в среднем течении Нигера.

«Через десять дней после выхода из моего родного города, – писал он, – мы достигли города Марракеша. Это одно из красивейших мест земли; его превосходит разве что Багдад. Марракеш известен великолепными мечетями, роскошными дворцами, обилием садов...

Женщины Марракеша красивы и добродетельны, но среди них уже немало тех, кто происходит из страны негров. Рабыни здесь также в основном чернокожие, их привозят сюда и продают мусульманам другие народы страны... Я и сам позже, в Мали, купил себе рабыню. Она была хороша собой и уже умела все, что должна уметь рабыня, так что цена ее была высока, и за нее пришлось отдать немало верблюдов.

Мекнес тоже красивый город, в нем много садов, где можно гулять и отдыхать. Через Фес мы прошли в Сиджилмасу, последнюю крупную остановку перед пустыней, которая отделяла нас теперь от негритянских государств Африки. Я присоединился к каравану куп-

цов-мусульман, шедшему по издавна известным тропам, которые ведут через оазисы, где люди и животные могут сделать привал и отдохнуть.

Два месяца мы со своими верблюдами двигались по бесконечной пустыне, лишь иногда останавливаясь для отдыха. Бывали дни, когда ежечасно я молил Аллаха о защите, чтобы счастливо окончить это путешествие. Мы страдали от великой жажды и должны были строго экономить взятые с собой припасы».

За тысячу лет до путешествия Ибн Баттуты подобными путями можно было проходить не на верблюдах, а на лошадях или пешком. Значит, за это время пустыня расширила свои пределы и стала существенно суровой, бесплодной, безводной. В поселке Тагаззе Ибн Баттута был удивлен странным строительным материалом, который использовали местные жители: кирпичи из каменной соли! Следовательно, в этих краях дожди редки, а влажность воздуха низкая.

Ибн Баттута посетил Мали, огромную империю, лежащую среди саванн на западе Африки, и был поражен укладом ее жизни: «Из всех народов негры более других ненавидят несправедливость. Султан не прощает никого, повинного в ней. Вся эта земля по-настоящему спокойна и безопасна. Путешественник здесь имеет не больше причин бояться разбойников, воров и грабителей, чем человек, находящийся в собственном доме». (Значительно позже цивилизованные европейцы распространили слухи о неполноценности «черных недочеловеков».)

По свидетельству Ибн Баттуты, султан Мали поддерживал постоянные торговые связи с Египтом и Марокко. Для этого приходилось пересекать Сахару и вдоль и поперек. «В стране много плодородных полей. Народ занимается торговлей, так как сюда с разных концов света прибывают караваны. Быт местных жителей прост; основное их блюдо – просяная каша, разведенная кислым молоком и подслащенная медом».

Город Тимбукту, по его словам, «относится к самым крупным в этой земле... Город кишит пестрой жизнью, здесь словно собрались все народы Африки». Проплыв некоторое расстояние по Нигеру на восток до города Гао, он с караваном, перевозившим 600 молодых черных рабынь, направился в Египет.

Пройдя по Южной Сахаре, Ибн Баттута побывал в районе медных рудников Таккады (Агадеса). В этом городе туарегов путешественник по своему обыкновению внимательно присматривался к женщинам. У них «совершенная красота, наипрекраснейшие фигуры, чисто белая кожа и весьма в теле» (учтем, что для смуглого араба белизна кожи означает не то, что, скажем, для жителя севера России).

В Агадесе Ибн Баттуту ждало послание от султана Марокко с предписанием вернуться на родину и рассказать о своем путешествии. Выходит, путешествовал Ибн Баттута не просто из любознательности, страсти к приключениям или, что еще менее вероятно, из желания обогатиться.

Это подтверждает его признание о том, что преждевременное завершение маршрута его не опечалило: «Я не без удовольствия стал собираться в обратный путь. Это было тем более важно, что, как сообщил мне ведущий каравана, мы будем проходить по известной дороге через горы как раз в месяц рамадан, когда гнездящиеся там разбойники, будучи мусульманами и почитая священный месяц, не нападают на путников».

Он благополучно вернулся в 1354 году в свой город Фес. Выходит, в те времена была неплохо налажена почта через Сахару; караванщики опасались более всего грабителей, а не ужасов пустыни. В Сахаре оставалось немало территорий, занятых саванной.

Почти вся сознательная жизнь Ибн Баттуты была одной экспедицией. За четверть века он преодолел по суше и морю около 120 тысяч километров.

Золотой песок Сахары

Вслед за византийцами во второй половине VIII века Северную Африку завоевали арабы, племена которых объединило учение пророка Мухаммеда. Этому победоносному вторжению в немалой степени способствовала изменившаяся природная обстановка: опустынивание обширных территорий. В отличие от европейцев пришельцы из Аравии привыкли к условиям пустынь и полупустынь, умело использовали верблюдов.

Первая и крупнейшая в мире пустыня – Сахара

...Обширные пустыни возникли на месте саванн около трех тысячелетий назад. Первой и крупнейшей в мире стала Сахара. Она получила соответствующее название (от арабского «сахра» – пустыня). Примерно в III веке н. э. здесь появились верблюды, а через тысячелетие они стали основным средством передвижения.

После арабских завоеваний и распространения в Северной Африке ислама для христиан маршруты через Сахару стали смертельно опасными не только из-за суровой природы, но также из-за воинственных кочевников-разбойников и враждебного отношения арабов к иноверцам.

И все-таки европейцев манили к себе эти земли, потому что с античной поры к побережью Средиземного моря золото доставляли с юга, из Сахары. Откуда? Для алчных жителей Западной Европы этот вопрос был чрезвычайно важен.

В.И. Вернадский в работе «Опыт описательной минералогии» писал: «С древности и в Средние века шла торговля золотом в Западной Сахаре; оно менялось на соль, добывавшуюся в Северной Африке. Торговля шла через Тимбукту... Добыча шла в Гонгаране, находящемся между двумя притоками р. Сенегал и Бамбуком, окруженном двумя другими притоками».

Севернее этого района в Средние века находилась страна Гана (не путать с современным государством!). Она достигла могущества в первых веках новой эры.

Арабский автор ал-Фазари сообщил, что арабы Марокко предприняли около 735 года набег на Гану, стремясь захватить источники золота. Однако в действительности добывали драгоценный металл африканские племена на территории юго-западной Ганы. Им нужна была соль, которую они покупали буквально на вес золота.

Оригинальный способ этой торговли описал арабский путешественник ал-Масуди примерно в 950 году: «...Гана. Это царство прилегает к стране золотых рудников, и в нем есть многочисленные народы из этой страны. У последних имеется черта, которую не переходят те, кто к ним направляется, и купцы, которые к ним приезжают, привозя товары. Когда купцы достигают этой черты, они кладут товары, а на них одежды и удаляются.

Здесь приходят эти черные и приносят золото. Они оставляют его около товаров и удаляются. Потом приходят владельцы товаров, и, если их удовлетворяет [количество золота, они забирают его и уходят]. Если же нет, они возвращаются и уходят назад. Затем возвращаются черные и прибавляют им, пока не завершится сделка, подобно тому, как делают купцы, которые покупают таким же образом гвоздику у обладателей». (Под «черными», или ас-судан, здесь понимается Западный Судан. Все земли к югу от Сахары и севернее лесов арабы называли «Биляд эс-Судан», что означает «земля черных».)

В середине XV века с севера в глубины Сахары направился итальянец Антонио Мальфанте. По заданию крупного генуэзского банка Чентурионе он должен был выяснить, откуда поступает золото, кто его добывает и нельзя ли принять участие в разработке месторождений. Это была, пожалуй, первая успешная экспедиция европейцев в пустыню.

О своем путешествии Мальфанте писал: «Мы двинулись в южном направлении и ехали примерно двенадцать дней. Семь дней мы не встречали ни одного жилья. Кругом была песчаная равнина, похожая на море; днем мы находили путь по солнцу, ночью – по звездам».

Если вспомнить о путешествиях более ранних, до эпохи верблюда, создается впечатление о больших изменениях в данном регионе. Не осталось на этом пути ни колодцев, ни следов караванной тропы. Движущиеся пески, словно волны сухого серо-желтого моря, «затопили» территорию, так что единственные ориентиры приходилось искать на небе.

«Через семь дней, – продолжал Мальфанте, – мы вышли к укрепленному поселению (оазис Табельберт). Его жители крайне бедны, их пища состоит из воды и немногих даров здешней скудной почвы. Сеют они мало. Но у них достаточно фиников, которыми они и живут».

Вместе с караваном он пришел в оазис Туат, состоящий из 18-ти поселений, окруженных стенами и управляемых олигархией. Мальфанте был первым христианином, посетившим эти места. На него приходили посмотреть аборигены, которые слышали, что все христиане уроды.

Следующая остановка была в Таментите, «куда ездят купцы с товарами, чтобы их там продать. Обрато они привозят золото и продают его купцам, проходящим с побережья... Здесь много богачей. Но основная масса населения живет в большой нужде, так как здесь невозможно ничего сеять и нечего собирать, кроме фиников. Мясо получают только от холощенных верблюдов. Едят его крайне редко, но оно необычайно вкусно».

Можно предположить, что редкость употребления верблюжьего мяса делала его особенно вкусным.

«Дождя здесь никогда не бывает, – с некоторым преувеличением отметил Мальфанте. – Если бы случился дождь, то рухнули бы дома местных жителей, так как они построены из камыша, укрепленного солью. И холодов здесь, можно сказать, никогда не бывает. Летом стоит такая жара, что люди почти черны от солнца... В окрестностях имеется сто пятьдесят–двести оазисов».

Если это так, то в этом районе уровень подземных вод был в те времена сравнительно неглубоко.

Мальфанте повторил распространенное заблуждение: будто Нигер – исток или приток Нила. Судя по всему, жители Томбукту (нередко пишут – Тимбукту) не отваживались на длительные плавания вниз по течению Нигера туда, где начинаются дремучие экваториальные леса.

«Я часто спрашивал, – писал Мальфанте, – где находят и собирают золото. Мой покровитель отвечал:

– Я жил четырнадцать лет у негров и много разговаривал с ними. Но ни разу не встретился мне человек, который бы с достоверностью сообщил: я, мол, видел сам, что золото находят и собирают там-то и там-то. Поэтому приходится предполагать, что привозят его издалека и, я думаю, из какой-то одной определенной области.

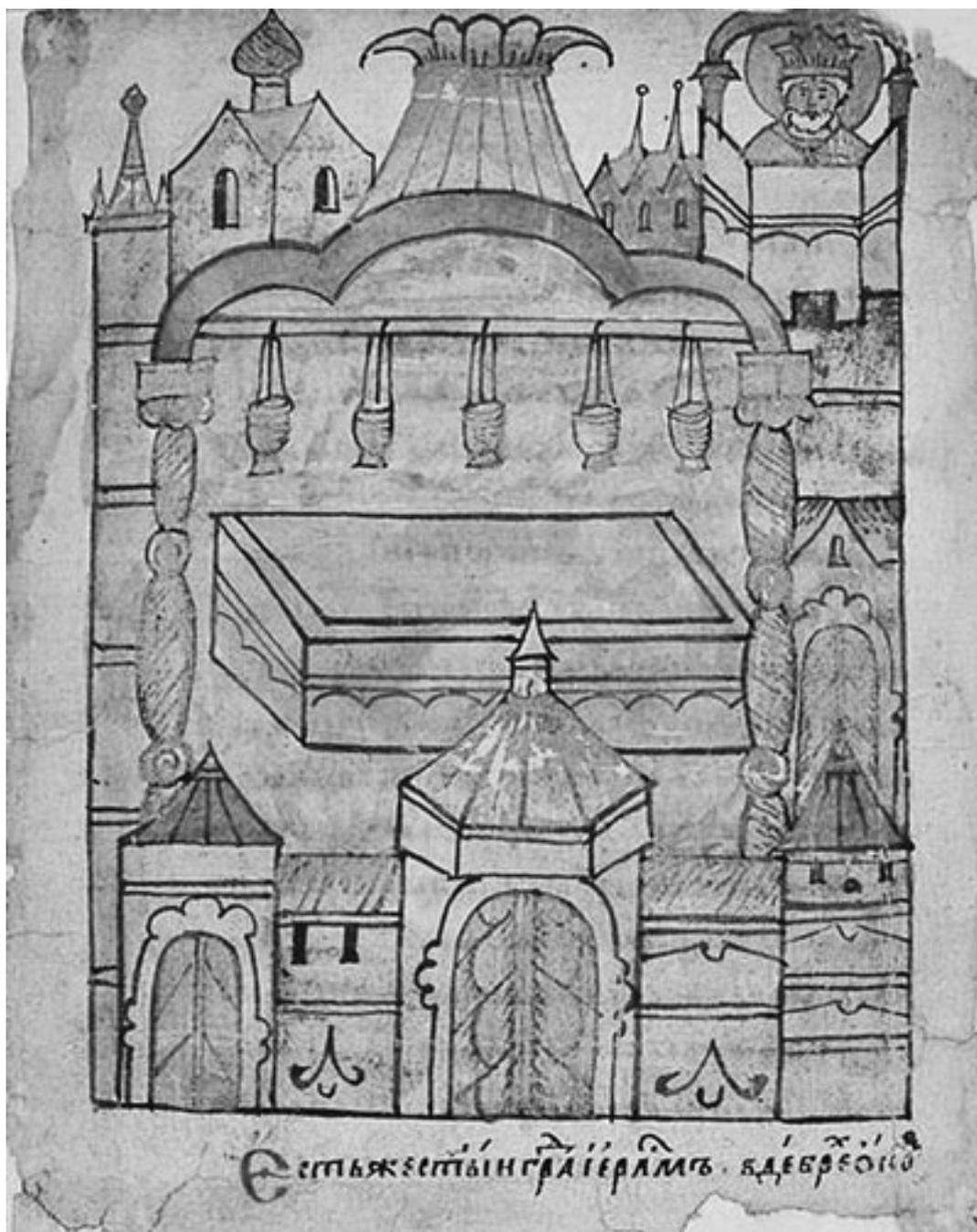
Он рассказал также, что бывал в местах, где серебро ценится наравне с золотом».

Действительно, в Сахару золото привозили с юга, обменивая на соль, которой там не было. Торговлю контролировали арабские купцы. Историк ал-Бакри, который многое рассказал о Гане, писал: «Когда на любой из россыпей страны этого царя находят золотой самородок, царь его забирает; людям же он оставляет из золота лишь мелкую пыль. Если бы не это, количество золота во владении возросло бы настолько, что золото обесценилось бы». Один из самородков, принадлежащих царю, был так велик, что стал знаменитым, и о нем распространилось много слухов. Говорили, что он «был таким тяжелым, что царь привязывал к нему коня».

Слухи о несметных залежах золота, подтвержденные более или менее постоянной торговлей драгоценным металлом, привлекали в Томбукту многих авантюристов, военные и научные экспедиции. Попытки достичь этого города вошли отдельной главой в историю знаменитых путешествий и географических открытий.

Хождение игумена Даниила

Северная Новгородская Русь имела постоянные торговые связи с Западом и Востоком; южная Киевская Русь находилась в тесной связи с близлежащими странами, в частности, с Византией, а также с Ближним Востоком. Об этом свидетельствует, в частности, первое из записанных путешествий (хождение) игумена Даниила, существенно расширявшее представления русских людей о дальних странах.

Иерусалим. Сборник с «Хождением игумена Даниила в Святую Землю». Рукопись XVII в.

Даниил (вторая половина XI – около 1120 г.) – русский религиозный деятель, епископ в южнорусском городе Юрьеве. В начале XII века он совершил путешествие в Палестину и Сирию в составе группы из восьми человек – киевлян и новгородцев. Сам Даниил, как предполагается, был из Чернигова.

Во время их странствий шла война между крестоносцами и сарацинами (арабами). Но враждующие стороны не препятствовали русским путешественникам.

По словам Даниила, никаких особых задач перед собой он не ставил, «но только ради любви к святым местам написал обо всем, что видел своими глазами... и написал о путеше-

ствии ради верных людей. Да кто услышит (или прочтет) о местах святых, устремился бы душою и воображением к этим святым местам».

Религиозная цель в данном случае оказалась очень благоприятной для географии: путешественник делал читателя как бы своим спутником. Записки Даниила – путевые очерки. Они описывают природную и социальную обстановку, политическую ситуацию, памятники культуры, преимущественно относящиеся к библейским сюжетам.

По сути дела – это путеводитель, составленный просто и ясно, без излишних словесных красот и домыслов. Например, о пути от Иерусалима к Иордану сказано: «Путь очень тяжок, страшен и безводен; горы высокие скалистые, на дорогах много разбоя...»

От Кузивы (Эль-Кельт) до Иерихона пять верст, а от Иерихона до Иордана шесть верст по ровному месту, в песке, путь очень тяжок. Многие люди задыхаются от зноя и умирают от жажды водной. Мертвое море вблизи от этого пути, исходит от него дух знойный, смердящий, сушит и сжигает всю эту землю».

Посещение святых мест, судя по всему, помимо паломничества имело целью разведать военно-политическую обстановку в районе военных действий, результаты которых могли оказать влияние и на Киевскую Русь, учитывая ее связи с Византией.

Даниил добросовестно «написал обо всем, что видел своими глазами», в том числе и «Пуп земли», находящийся под куполом иерусалимской церкви Вознесения в 12 сажнях от Голгофы. По-видимому, он был сторонником модели Мироздания, предложенной византийским географом Косьмой Индикопловом: плоская земля под хрустальным небосводом, окруженная океаном. Хотя не исключено, что он имел в виду не географический, а духовный центр обитаемого мира.

Тогда в тех краях еще оставалось немало лесов. «В зарослях водится зверей много: бесчисленное множество свиней, много и барсов тут, и даже львов». Он рассказывает об увиденном и пережитом порой с восхищением: «Здесь же протекает обильный водою поток, он красиво течет по камням в Иордан. Вода потока студена и очень вкусна. Эту воду пил Иоанн Предтеча, когда жил в пещере».

Паломников из Руси одинаково хорошо встречали и «сарацины» (мусульмане), и католики-крестоносцы. Русские люди, ходившие без оружия, умели ладить и с теми, и с другими – ценное качество, которое помогло нашим предкам объединять разные племена и народы, создавая могучую многонациональную державу.

Доверительно относясь к библейским преданиям, Даниил не демонстрирует религиозный экстаз и не фантазирует. За это он даже извиняется перед читателем (зная, какие небывалицы желали бы услышать от него фанатики):

«Да простите меня, братья, отцы и господа мои, не пренебрежите худоумием моим, что написал не искусно, а просто о местах святых, о Иерусалиме и о земле обетованной. Хотя и не мудро написал, но не ложно: как видел своими глазами, так и написал».

Он отдавал первенство правде, реальности, здравому смыслу. И в этом можно усмотреть качества человека Возрождения.

Окно из Западной Европы в Азию

Средние века принято считать временем господства религии, массовых суеверий, замкнутых феодальных владений, ограниченного кругозора подавляющего большинства жителей Европы. Плоская, сравнительно небольшая земля, окруженная океаном, алмазный или хрустальный небосвод, накрывший ее; пять-шесть тысячелетий от сотворения мира, четыре – от всемирного потопа и еще то ли десятки, то ли сотни лет до конца света, Апокалипсиса.

Подобные представления сравнительно недавно в масштабах истории человечества (около тысячелетия назад) пользовались популярностью. Но немало просвещенных людей и тогда представляли мир огромным, а Землю – в виде шарообразного небесного тела (так учили античные философы). Хотя о дальних странах рассказывали немало небылиц, существовало огромное количество странников, путешествовавших по свету в поисках счастья, из-за превратностей лихой судьбы, лишившей родного дома, или из «охоты к перемене мест» (тоже нередко возникающей не от хорошей жизни).

Наряду с оседлыми земледельцами, ремесленниками, горожанами, боявшимися углубляться в окрестные леса, по большим и малым дорогам двигались тысячи и тысячи людей. Военные отряды и бродячие артисты, купеческие караваны, посольства и многолюдные выезды князей, баронов, королей (им приходилось вести кочевую жизнь, чтобы посещать свои владения для сбора дани и прокорма двора), вереницы паломников к святым местам и нищих, беглые крепостные и преступники, искатели приключений, а более других – странствующие монахи. Все эти люди перемещались по Европе и выходили за ее пределы. Они осуществляли обмен товаров, знаний, информации.

Среди этого кочевого народа немало было разведчиков, шпионов, выполнявших важные государственные поручения. Когда в дальние маршруты отправлялись монахи, купцы, дипломаты, обычно от них правители требовали не просто уплаты пошлин или выполнения конкретных поручений, а определенных сведений о тех странах, с которыми можно торговать, заключать мирные соглашения или, возможно, воевать.

Интерес в Европе к государствам Востока в XIII веке приобрел особое значение: оттуда надвигались орды степных кочевников. До этого христиане сражались с мусульманами – с переменным успехом, а католическая церковь стремилась уничтожить или ослабить православные державы – Византию и Русь. Но вот кочевые племена откуда-то из Монголии стали наносить сокрушительные поражения самым разным странам в Средней Азии, Иране, Юго-Восточной Европе, на Кавказе.

В 1240 году хронист Мэтью Парижский писал о монголах: «Подобно саранче, распространились они по лицу земли, они принесли ужасающие опустошения в восточных частях, разорив их огнем и мечом. Пройдя через землю Сарацин, они разрушали до основания города, рубили леса, низвергали крепости, выдергивали виноградники, опустошали сады, убивали горожан и крестьян». Добавим: в этом году был захвачен и разорен Киев, а еще раньше Рязань, Владимир и многие другие русские города.

Монголы вторглись в Польшу, Моравию, Силезию. Победы под Лигницем и Пештом открыли им путь в Западную Европу. Пришла пора всерьез встревожиться местным королям, императору Фридриху II, римскому папе Григорию IX. Их попытки сплотиться и организовать очередной крестовый поход, но уже не в Палестину, а против монголов, не дали результата: слишком велики были противоречия между правителями.

Вселял надежду слух о существовании где-то на востоке могучего христианского царства во главе со священником Иоанном. Якобы войска Иоанна нанесли поражение монголам. Надо было только отыскать это царство и заключить с ним военный союз.

Иннокентий IV вручает письмо доминиканцу Асцелину Ломбардскому, который передает его монгольскому военачальнику Байджу.

Средневековая миниатюра

Европейцы не имели даже сколько-нибудь сносных карт земель, расположенных северней Персии, Индии. Труды античных географов тоже не могли тут помочь (севернее маршрутов Александра Македонского античные путешественники не заходили).

Кто же такие эти ужасные монголы или татары, как их обычно называли? Что это за дикая суровая страна Тартария? (Учтем, что двумя-тремя столетиями позже в Западной Европе русских называли татарами, а Россию – Татарией.)

Напрасно самодовольные жители Западной Европы полагали, будто дикие орды движутся толпами и побеждают не умением, а числом. Дело обстояло иначе. Монголы были хорошо вооружены, дисциплинированы и сильны в военном искусстве. Они умело вели дипломатическую деятельность, сея раздор между своими противниками и находя себе союзников в их стане. Они вели предварительную разведку и сбор сведений – главным образом через купцов – о тех государствах, которые предстояло завоевать. Судя по всему, монголо-татары знали о Европе и европейцах больше, чем в Европе знали о них.

Римский папа решил из первых уст выяснить как можно больше о загадочных и опасных монголах, а также попытаться наладить с ними дипломатические отношения. Почему бы не попытаться обрушить их военную мощь на турецкую империю?

С личным посланием папы в апреле 1245 года было направлено посольство к монгольскому хану, возглавляемое францисканским монахом Иоанном Плато Карпини (настоящее имя – Джованни Пьяно-ди-Карпини). У него был почтенный по тем временам возраст 63 года. Сопровождал его ученый монах Стефан Богемский.

Вот что, в частности, говорилось в послании:

«Епископ Иннокентий, раб рабов божьих, к царю и народу татарскому.

Не только люди, но также неразумные твари и даже земные элементы мироздания соединены и связаны друг с другом как бы естественным образом небесных духов... А посему мы по всей справедливости удивлены тем, что вы, как мы слышали, напали на многие земли как христианские, так и других народов и подвергли их страшному опустошению...

Знайте же, если вы, уверенные в силе своей, до сей поры предаетесь таким неистовствам, разя кинжалом других людей, то лишь по воле всемогущего Бога, который допустил, чтобы различные народы были повергнуты в прах перед лицом Его».

Посольство из Лиона отправилось к чешскому королю, тот дал Карпини грамоту к своим родным в Польше. Дальнейший путь проходил через Киевское княжество. Теперь повсюду были видны последствия ордынского нашествия. Карпини писал:

«Татары вступили в землю язычников-турок. Победив их, они пошли против Руси и произвели великое избиение в земле Руси, разрушили города и крепости и убили людей, осадили Киев, который был столицей Руси; после долгой осады они взяли его и убили жителей города. Поэтому, когда мы ехали через их землю, мы находили в поле бесчисленное количество голов и костей мертвых людей. Этот город был весьма большой и очень многолюдный, а теперь разорен почти дотла: едва существует так двести домов, а людей татары держат в самом тяжелом рабстве. Уходя отсюда, они опустошили всю Русь».

Когда они прибыли в монголо-татарский военный лагерь, то встретили настороженный прием. Начальник местного шестидесятитысячного войска отослал их под стражей к Батю. Прибыв ко двору 22 июня 1246 года и встретив благосклонный прием, Карпини оставался здесь до 13 ноября.

Судя по всему, столь долгое пребывание в центре монгольской империи объясняется желанием Карпини выведать как можно больше сведений о монголах (которых он называл татарами) и их стране. Особое внимание Карпини уделял вооружению, военной тактике и стратегии, а также верованиям татар, их законам и обычаям, устройству их державы.

Вот выдержка из послания великого хана Гуюка папе римскому Иннокентию IV:

«Силою бога все земли, начиная от тех, где восходит солнце, и кончая теми, где заходит, пожалованы нам. Кроме приказа бога, так никто не может ничего сделать. Ныне вы должны сказать чистосердечно: "Мы станем вашими подданными. Мы отдадим вам все свое имущество". Ты сам во главе королей, все вместе без исключения, придите предложить нам службу и покорность... И если вы не последуете воле бога и воспротивитесь нашим приказам, то вы станете [нашими] врагами.

Вот что вам следует знать. А если вы поступите иначе, то разве мы знаем, что будет, одному богу это известно».

Вернулся папский посланник тем же путем, которым прибыл, в конце 1247 года, преклонив колени перед папским престолом в Риме. Вскоре написал обстоятельный труд: «Иоанна де Плато Карпини, архиепископа Антиварийского, история Монголов, именуемых нами Татарами». Это был общедоступный отчет о его путешествии. В нем сообщалось прежде всего о географическом положении и природных условиях Монгольской империи. Наиболее туманными были для Карпини северные границы страны, где он предполагал «море-океан» (скорее всего, он так понял сообщение о Байкале). Карпини первым дал описание климата Центральной Азии, который мы называем резко континентальным. Он подробно рассказал об устройстве юрт и их перевозке. Меньше всего, пожалуй, говорится

в книге об истории монголов. Так что сочинение Карпини относится прежде всего к этнографии и географии.

С уважением папский посол отозвался о мужестве и стойкости русских князей и воинов. Упомянул он и о некоторых народах фантастических, «у которых, как нам говорили, небольшие желудки и маленький рот; они не едят мяса, а варят его. Сварив мясо, они ложатся на горшок и впитывают дым и этим только себя поддерживают». Или о других, полулюдях-полусобаках с копытами.

Когда от этих северных народов монголы повернули на юг «против Арменов», то встретили якобы в пустыне «некоторых чудовищ, имеющих человеческий облик», но только по одной руке и ноге. Хотя и на одной они скакали быстрее лошади, а когда уставали, «то ходили на руке и ноге, так сказать, вертясь кругом». Автор счел нужным добавить: «Как нам говорили Русские клирики при дворе, пребывающие вместе с вышеназванным императором, многие из них приходили в посольство вестниками...»

Трудно сказать, чем объясняются подобные рассказы. То ли «русские клирики» решили пошутить, а Карпини воспринял их всерьез, то ли виноват переводчик. Сообщено было о быстроходной повозке с колесами, которой управлял одной рукой кучер, а лошади постоянно менялись. Рассказ о северянах, которые питаются исключительно дымом, объясняется просто: люди предпочитали сидеть у костра в дыму, спасаясь от комаров.

Миссия Гильома де Рубрука

Поездка Карпини показала прежде всего то, что возможно благополучно добраться до центра Азии и успешно вести переговоры с императором Монголии. Теперь уже французский король Людовик IX (после неудачного крестового похода) отправил весной 1252 года небольшое посольство в ту же державу во главе с Гильомом де Рубруком, францисканским монахом-крестоносцем. Помощником у него был ученый монах Бартоломео.

Путь П. Карпини и Г. Рубрука

По-видимому, король надеялся сделать хана своим союзником против арабов мусульман, с которыми воевал в Сирии. К тому же прошел слух, будто татарский хан принял христианство.

Маршрут Рубрука в общих чертах совпадал с предыдущим (Карпини), хотя был протяженнее. Из города Акка они добрались до Константинополя, переплыли Черное море до крымского порта Салдаия или Солдаия (Судак). В церкви Святой Софии Рубрук прочел проповедь. Купив четыре крытых повозки, запряженных волами, путешественники (они ехали на лошадях) степными дорогами направились к низовьям Волги, где находилась ставка хана Батыея.

Через два месяца они прибыли в лагерь сына Батыея хана Сартака. В палатку к нему вошли, облачившись в церковные одеяния, с пением молитв, держа в руках распятие, Библию, кадило. На молодого хана это не произвело большого впечатления. В переговоры с посланником французского короля он не вступил, отослав их к отцу. Но и Батый предпочел не проявлять самостоятельность. Дав им двух сопровождающих, направил к великому хану в Каракорум.

Прием у великого хана Мангу Рубрук описал так: «Дом был весь покрыт внутри золотым сукном, и на маленьком жертвеннике в середине дома горел огонь из терновника и корней полыни, которая вырастает там большой, а также из бычачьего навоза. Сам хан сидел на ложе, одетый в пятнистую и очень блестящую кожу, похожую на кожу тюленя. Это был человек курносый, среднего роста, в возрасте сорока пяти лет; рядом с ним сидела его молодая жена».

Толковой беседы у них не получилось, потому что переводчик быстро напился пьяным. «Да и сам Мангу-хан, – писал Рубрук, – как мне казалось, был в состоянии опьянения». Побывав два морозных месяца при дворе великого хана, Рубрук со спутниками отправился в обратный путь.

Во время своей трехлетней экспедиции, о которой он написал обстоятельный и квалифицированный отчет, Рубрук обогнул Балхаш сначала с юга, затем с севера; побывал в Крыму, на Кавказе, в Малой Азии, совершил плавание по Каспию и также обогнул и его: в первый раз с севера и запада, во второй – с востока и юга.

Об этом море с античных времен существовало два мнения: одни считали его замкнутым внутренним водоемом (Геродот, Птолемей), но чаще его представляли заливом Мирового океана. Именно такая версия стала наиболее популярной в Средневековье. Ее, в частности, утверждал авторитетный средневековый энциклопедист Исидор Севильский в VII веке.

Рубрук высказался определенно: «Это море с трех сторон окружено горами, а с северной стороны к нему прилегает равнина... Море это можно обогнуть в 4 месяца, и неправильно говорит Исидор, что это залив, выходящий из океана, ибо оно нигде не прикасается к океану, но отовсюду окружено землей».

Еще одно достижение подчеркнул историк географии З. Рунге: «Если мы хотим оценить по достоинству заслуги Рубрука, мы должны учесть собранные им сведения и его личные наблюдения... Из всего этого Рубрук правильно заключил, что Азия к востоку или, точнее, к юго-востоку (от Северного Туркестана) переходит в громадное плоскогорье. Этот вывод для Средних веков был первым намеком на существование Центрально – Азиатского плоскогорья».

Интересны свидетельства Рубрука о том, как совершало переезд семейство богатого монгола: сотни повозок, а вокруг перемещались огромные стада. «Мне казалось, – пишет Рубрук, – что навстречу мне движется большой город». Правда, в становище Бату Рубрук с удивлением и робостью убедился, что перед ним многолюдное поселение, состоящее из повозок, юрт и огромных шатров.

Несомненный вред природе причиняли эти передвижные города и несметные стада. На время остановок они почти полностью уничтожали растительный покров на обширных пространствах. Для кочевников невелика беда, когда за ними остается пустыня: они движутся туда, где лучше. Нередко военные отряды в карательных целях уничтожали каналы и плотины, сады и леса, приводя в запустение цветущие районы. Следы такого запустения наблюдали и Карпини, и Рубрук.

На некоторый период татаро-монгольские завоеватели овладели огромными богатствами. Они полагали, что для побед достаточно иметь хорошее вооружение, свирепых воинов, непобедимую армию. Однако через несколько десятилетий их империя затрещала по всем швам: знать была развращена богатством, отдельные князья добивались полного суверенитета, массы бедняков (в том числе татар и монголов) жили в нищете, впроголодь. Лучшие пастбища заметно оскудели, а заинтересованных в повседневном труде работников стало немного.

Военная империя монголов охватила всю единую географическую зону степей, лесостепей, полупустынь Евразии с прилегающими к ним территориями. Захватчики безжалостно уничтожали естественные, а также культурные ландшафты как в мирное, так и (тем более) в военное время; опустошали охотничьи угодья и пастбища. Одно это уже подрывало изнутри их экономику, хозяйственный уклад. Для покоренных народов, стоявших нередко на более высоком культурном уровне, был ненавистен гнет поработителей. Правда, политика монгольских императоров была продуманной: они не покушались, например, на религиозные верования и обычаи покоренных народов, понимая, что доводить людей до полного одичания невыгодно, хотя бы с точки зрения их эксплуатации, взимания дани.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.